

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

||| ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 37

14 ОКТЯБРЯ

1925 г.

№ 37

Юридическая природа гарантийного страхования.

Н. Крюков в своей статье «Юридическая природа гарантийного договора»¹⁾ утверждает, что страхование убытков от действий рабочих и служащих—«гарантийное страхование»—надлежит относить к категории страхования гражданской ответственности.

К такому выводу он приходит путем анализа юридических отношений между страховщиком, страхователем (работодателем) и служащим, действиями своими причинившим убыток страхователю. Придавая решающее значение тому, что при гар. страховании обязательство страховщика по возмещению убытка, причиненного действиями служащего, наступает лишь при условии ответственности за этот убыток самого служащего и стоит с нею в непосредственной связи, что при гар. страховании гражд. ответственности, страховщик, по общему правилу, имеет право регресса, Н. Крюков находит в этих взаимоотношениях существенные черты страхования гражд. ответственности. Из этого делается им дальнейший вывод о неправильности принятой правилами гар. страхования Госстраха конструкции страхования имущества и предложение переработать эти правила в единственно, по его мнению, правильном направлении, а именно по принципу страхования гражд. ответственности.

Подробно излагая сущность этих основных признаков страхования гражд. ответственности, Н. Крюков лишь вскользь останавливает свое внимание на другом элементе этого вида страхования, который, по его же признанию, является также отличительной чертой страхования гражд. ответственности, а именно на том обстоятельстве, что предметом страхования гражд. ответственности «не является какое-либо определенное имущество, как при огневом или транспортном страховании». Таким образом, Н. Крюков констатирует, что при страховании гражд. ответственности имеется во всяком случае два признака, отличающие его от других видов страхования. Однако, в дальнейшем изло-

жении вопроса о юридической природе гар. страхования он уже не касается этого второго момента и не принимает его в соображение, между тем, как именно этот момент и является существенным для решения вопроса о правильной конструкции гар. страхования.

Страхование гражд. ответственности имеет в виду особый вид страхового случая, а именно действие человека, как причину убытка, а не стихийные силы природы, и притом оно требует наличия ответственности (хотя бы гражданско-правовой) в действиях причинившего убыток лица, как условия для наступления ответственности также и страховщика по уплате страхового вознаграждения. Для признания предусмотренного в договоре страхования действия человека страховым случаем необходима наличность причинной связи между этим действием, как внешним фактом, и тем или иным волевым актом виновника этого действия, необходима вина, неосторожность. Таким образом, первый из отмеченных Н. Крюковым признаков страхования гражд. ответственности относится к специфическим особенностям предусмотренного этим видом страхования страхового случая.

Однако, всегда ли страхование убытков от действий человека, порождающих гражд. ответственность, должно конструировать как страхование «гражд. ответственности»? Является ли этот признак настолько существенным и решительным, чтобы все страхования убытков от действий человека обязательно относить к страхованиям гражд. ответственности? Полагаем, что нет.

При огневом страховании страховщик возмещает убытки, происшедшие от огня как вследствие сил природы (напр., от молнии), так и от огня, начавшегося по вине страхователя или третьих лиц; при транспортном страховании страховщик возмещает убытки, происшедшие также и по вине перевозчика (железной дороги, пароходного предприятия). Если иметь в виду первый отличительный признак страхования гражд. ответственности, на который указывает Н. Крюков, то все такого рода случаи возме-

¹⁾ «Еж. нед. Сов. Юстиции» № 19.

ния убытков страховщиком следовало бы относить к страхованию гражд. ответственности, выделить из очевидного и транспортного страхования и конструировать не по принципу страхования имущества, как это имеет место ныне, а по принципу страхования гражд. ответственности, в особенности это надлежало бы применить к транспортному страхованию, при котором действительно в значительном большинстве случаев убытков имеется налицо «вн а» перевозчика в причинении убытка застрахованным предметам, так как эти предметы, грузы, во все время перевозки находятся в ответственном ведении перевозчика.

Н. Крюков не упускает этого из виду, так как признает, что и во многих других видах страхования, кроме страхования гражд. ответственности, также имеется право регресса к виновным в убытке лицам, но там это право, по его объяснению, «возникает далеко не всегда, скорее в виде исключения», а потому не делает эти иные виды страхования страхованиями гражд. ответственности. Но с такой поправкой нельзя согласиться: при утверждении о том, что такой-то признак (требование ответственности) является принципиально отличительным для определенного понятия, нельзя утверждать, что этот же признак может быть свойственен и другим понятиям, по внутренней природе совершенно отличным от него. Возможно возражение со стороны Н. Крюкова, что ответственность страховщика при огневом и транспортном страховании за убытки в застрахованном имуществе, причиненные по вине третьих лиц, не выделяется в особый вид страхования гражд. ответственности лишь по соображениям практической целесообразности и в интересах удобства оборота, но такое возражение, как видно будет далее, также было бы неправильным.

Таким образом, ответственность лица за убыток не есть основной отличительный признак для страхования гражд. ответственности, а следовательно, и для гарантийного страхования. Остается обратиться к другому признаку, на котором Н. Крюков остановился лишь между прочим: при страховании гражд. ответственности нет определенного предмета (вещи), который принимается на страх.

К страхованию гражд. ответственности прибегают, например, для обеспечения владельцев автомобилей от убытков, являющихся следствием их гражд. ответственности перед третьими лицами, потерпевшими от неосторожной езды владельца автомобиля. Ответственность владельца автомобиля может быть весьма пестрой, не поддающейся наперед точному учету: от неосторожной езды может пострадать пешеход, и владелец автомобиля может быть приговорен либо к единовременной уплате расходов по лечению, либо к выплате пожизненной пенсии, и суммы эти могут варьироваться в зависимости от самых разных причин; автомобиль может убить или искалечить какое-либо домашнее животное, имеющее разную стоимость; автомобилем может быть сломан экипаж, локонек, возможен комбинированный убыток, когда «жертвой» автомобиля будет и человек, и животное, и предмет неодушевленный. Указать в самом договоре страхования индивидуально всех вероятных потерпевших и все предметы, могущие быть поврежденными автомобилем, и «покрыть их страхованием»

невозможно: при подобном страховании нет конкретного, реального объекта страхования в том смысле, как он понимается, напр., при огневом или транспортном страховании. (Аналогичные страхования владельцев гостиниц от ответственности за убытки перед постояльцами, врачей—за последствия неправильного лечения, адвокатов—за ошибки при ведении дел, владельцев животных—за недосмотр за ними и т. п. Заграничная страховая практика знает до 40 видов страхования «гражд. ответственности»¹⁾).

Само-собой понятно, что такого рода страхования не представляется возможным конструировать на тех же основаниях, как огневое или транспортное страхование, предметом коих являются вещи, определяемые родовыми и видовыми признаками, вещи вполне индивидуальные (такое-то строение, такой-то товар). Эти основные особенности, диктуемые особенностями объекта страхования, побудили страховое право к выработке специальной конструкции страхового договора, дав ему свое наименование: «страхование гражд. ответственности». Конечно, наименование «страхование гражданской ответственности» является образным, ибо «гражд. ответственность» не может быть застрахована: страхуется имущественный интерес (имеющийся во всяком имущественном страховании) страхователя, заключающийся в том, чтобы его имущество не подверглось умалению в результате ответственности перед третьими лицами.

Но имеется ли основание прибегать к такой же конструкции в тех случаях, когда тот предмет, в сохранности которого заинтересован владелец, может быть точно индивидуализирован? Например, должно ли и правильно ли будет прибегать к страхованию гражд. ответственности в том случае, когда владельцу автомобиля передается к перевозке определенная вещь с ответственностью за ее сохранность? Нужно ли и правильно ли будет прибегать к страхованию гражд. ответственности при транспортном страховании определенного товара в тех случаях, когда перевозчик принимает на себя ответственность за возможный при перевозке убыток? Полагаем, что нет, и не соображения практической целесообразности заставляют в последнем примере прибегать к страхованию имущества, а действительная природа и существо этого вида страхования, допускающая точное индивидуализирование объекта страхования.

Для иллюстрации правильности приведенных соображений о необходимых предпосылках в одном случае для страхования гражд. ответственности, а в других — страхования имущества, следует остановиться на особом виде страхования, весьма близком гарантийному страхованию: на страховании от краж со взломом. При этом виде страхования должен быть налицо первый из указываемых Н. Крюковым существенных признаков страхования гражд. ответственности, ответ-

¹⁾ Невозможность определить в самом договоре страхования конкретный объект страхования не означает того, что такого рода страхования не относятся к категории имущественного страхования, ибо предметом и этих страховых является имущество страхователя, понимаемое как комплекс прав и обязанностей, связанных с известным лицом. Поэтому и страхование гражд. ответственности, как страхование «обязанности», составляющей эл мент имущества надлежит относить к категории имущественного страхования, не выдвигая его в страхование *sui generis*.

ственность человека (похитителя), ибо страховой случай, предусматриваемый этим видом страхования, кража со взломом, не может быть без «вины» похитителя. Однако, этот вид страхования не строится по началам страхования гражд. ответственности, а конструируется как страхование имущества, и такая именно конструкция никогда не возбуждала сомнения, так как предметы, которые владелец желает обеспечить от кражи, могут быть точно индивидуализированы.

В чем же сущность гарантийного страхования, в том его виде, как оно введено в СССР постановлением СНК от 16/XII—24 г.? «По договору гарантийного страхования Госстрах обязывается возместить страхователю убытки в застрахованном имуществе, причиненные преступными или небрежными действиями и упущениями рабочих и служащих страхователя, непосредственно связанными с приемом, выдачей, хранением, охраной и транспортированием вверенного им застрахованного имущества» (С. З. 25 г. № 1, ст. 11).

Это определение содержания гар. страхования, данное самим законодателем, дважды подчеркивающим, что предметом страхования является имущество, предопределяет, собственно говоря, и соответствующую конструкцию правил гар. страхования Госстраха, и без изменения этого легального определения, без изменения закона невозможно было бы выполнить предложение Н. Крюкова о реконструкции правил Госстраха в направлении построения их по принципу страхования гражд. ответственности. После изложенного выше при ближайшем рассмотрении природы гар. страхования необходимо, полагаем, притти к заключению, что законодатель безусловно правильно положил в основу этого страхования принцип страхования имущества, и поэтому правила Госстраха в реконструкции не нуждаются.

Страховой случай, предусмотренный гар. страхованием СССР, «преступление или небрежные действия и упущения рабочих и служащих», для своего бытия действительно требует того признака, который свойственен страхованию гражд. ответственности, а именно вины или неосторожности служащих, их ответственности (в виду чего Госстрах и не отвечает за случайные убытки). Но если от этой особенности страхового случая обратиться к другому признаку, который является свойственным единственно страхованию гражд. ответственности, к особенностям предмета страхования, то станет очевидным, что гар. страхование СССР должно строиться именно по принципу страхования имущества, т. е. в противоположность страхованию гражд. ответственности имеется полная возможность индивидуализации того имущества, которое является служащим для непосредственных с ним операций по приему, выдаче и пр., ибо такого рода действия сопровождаются надлежащими актами (описи, расписки, фактуры, накладные, ордера и т. п.). В одних случаях это имущество может быть определено как родовыми, так и видовыми признаками (напр., товары, сдаваемые к перевозке по описи), в других оно определяется в момент заключения страхования по родовым признакам, аналогично страхованию «капитала

в обороте» при оговоре страхования, когда не требуется показания в страховом договоре конкретных вещей.

Однако, если отказаться от требования определения тех предметов, которые будут находиться у служащих, то возможно применение конструкции страхования гражд. ответственности, а не имущества, и поэтому вопрос сведется к вопросу о целесообразности применения той или иной конструкции.

Так, различные страховые общества («Альянс», «Феникс», Кельвиское, «Штутгартское» и др.) усваивают конструкцию страхования гражд. ответственности, так как они принимают на страх возмещение убытков от растрат, подлогов и иных преступных действий, совершаемых не только кассирами, кладовщиками и т. п. служебным персоналом, находящимся в непосредственной фактической близости к имуществу предприятия, но также и высшим административным персоналом (директорами управлений, бухгалтерами и т. п.), ведающим управлением предприятием.

Госстрах же, согласно постановлению СНК возмещает убытки, причиняемые действиями рабочих и служащих, непосредственно связанными с приемом, выдачей, хранением, охраной и транспортированием вверенного им застрахованного имущества», т. е. принимает риски иного характера, при которых возможен учет индивидуальных предметов в имуществе предприятия, находящихся в фактическом обладании служащих и рабочих.

Кроме этих правовых обоснований для применения Госстрахом конструкции имущества, подобная конструкция дает возможность сделать договор страхования независимым от личного состава служащих, т. е. замена служащих, изменения в личном составе не влекут за собой прекращения договора страхования, что неизбежно при страховании гражд. ответственности, где личность служащего превалирует и страхование действительно лишь в отношении определенного «застрахованного» служащего (исключение составляет страхование «коллективное», но обязательно всего персонала, как административного, так и низшего).

Весьма важным моментом для договора страхования является установление размера уплачиваемой страхователем страховой премии. При конструкции страхования имущества достигается возможность наиболее точной и правильной тарификации премии в зависимости от условий, связанных именно с имуществом, которое будет находиться у рабочих и служащих: от рода имущества (ювелирные изделия или мебельный товар), от местонахождения его (магазин и склад в центре города или на окраине), от операций с имуществом (оптовая или розничная торговля) и т. п. Учесть все эти моменты и сообразно с ними построить тариф премий возможно только при страховании имущества.

Размеры настоящей статьи, имеющей своей задачей только выяснение правильности принятой в СССР конструкции гар. страхования, не дает возможности войти в обсуждение тех деталей «Правил гар. страхования» Госстраха, на которые указывает Н. Крюков; следует лишь отметить, что Госстрах, насколько нам известно, четко прислушивается

к указаниям опыта, к требованиям жизни, к пожеланиям госорганов и, имея на основании § 9 своих правил право «по взаимному соглашению со страхователем» включать в договоры гар. страхования особые условия, вводит в эти правила все необхо-

димые коррективы в зависимости от индивидуальных особенностей оперативной деятельности того или иного предприятия, учреждения.

П. Домбровский.

Из практики патентного права.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. дана законодательная регламентация патентного права и вместе с сим определена роль Комитета по делам изобретений при ВСНХ, как единого центрального учреждения, ведающего патентным делом на пространстве всего Союза.

Внутренняя же организация Комитета, на основании ст. 25 упомянутого постановления ЦИК и СНК, урегулирована особым положением от 3 декабря 1924 г., изданным Советом Труда и Оборона.

И самое построение нынешнего патентного учреждения и условия его деятельности совершенно новы для нашей страны. Новшеством является также и издание специального печатного органа этого учреждения: «Вестника Комитета по делам изобретений».

Согласно ст. 10 положения, в составе патентного отдела Комитета организован конфликтно-кодификационный п/отдел, который ведает систематизацией решений Комитета по принципиальным вопросам и установлением его практики, а также практики судов и правительственных органов в области патентного права.

Важнейшие из своих постановлений Комитет кодифицирует и публикует в «Вестнике».

Постановления эти составляют одну из самых интересных частей помещаемых в «Вестнике» материалов, и по ним-то именно и приходится знакомиться с характером и направлением работы Комитета и судить, насколько правильно разрешаются Комитетом принципиальные вопросы патентного права.

Ознакомление же с практикой Комитета особенно интересно потому, что закон о патентах на изобретения страдает очевидной неполнотой, неясностью некоторых статей, подчас неудачной редакцией и несистематичностью изложения и дает благодарную почву для разъяснений и толкования.

Не задаваясь целью в пределах небольшой журнальной статьи исчерпать все опубликованные Комитетом постановления, которые заслужили бы внимание лиц, интересующихся вопросами патентного права и деятельностью наших патентных органов, мы выбрали для настоящей заметки лишь некоторые из означенных постановлений (см. «Вестник» № 7—постановления за №№ 27, 29, 31 и 33).

Постановление о патентах на изобретения предоставляет всякому заинтересованному лицу заявить по тем или иным основаниям протест в Комитет или, если уже состоялось постановление Комитета, подать жалобу в Совет по рассмотрению жалоб против выдачи патентов тому лицу, которое

заявило о таковой выдаче ходатайство (ст.ст. 39 и 39 постановления).

В частности, постановлением предусматривается и такой случай, когда протест исходит и от лица, действительно управомоченного на получение патента, и направлен против заявки, сделанной другим лицом, на то права не имеющим (ст. 8 постановления).

Допуская такого рода протесты и жалобы, постановление совершенно не предрешает вопроса о том, какими доказательствами должны оперировать протестующий и жалобщик.

Лишь в ст. 39 указывается, что при расследовании жалобы в Совете «новый эксперт принимает все необходимые меры для выяснения основательности жалобы, как-то: выслушивает заинтересованные стороны, вызывает свидетелей и сведущих лиц и проч.».

Так как в существе расследований, производимых по протесту в Комитете и по жалобе в Совете, разницы никакой в законе не указано, да ее и не могло быть указано, так как Совет есть ни что иное, как апелляционная инстанция по отношению к Комитету, то казалось бы, что все средства доказывания, допускаемые при производстве дела в Совете, допускаются в равной мере также и при рассмотрении протеста в Комитете.

Поэтому неправильным надлежит признать следующую тезис Комитета, установленный им для случая, когда действительно управомоченное лицо домогается в Комитете признания недействительной заявки, сделанной лицом, не имеющим права на получение патента: «в основание разбора дела должно лечь письменное доказательство, представляемое сторонами; свидетельские показания допускаются лишь в исключительных случаях».

Прежде всего напрашивается вопрос, что нужно разуметь под исключительными случаями: имеется ли здесь в виду исключительность, обусловленная самым предметом патента (по важности предмета заявки) или же тем обстоятельством, что заявитель лишен возможности представить письменные доказательства и невозможность представления таковых признается Комитетом уважительной?

Очевидно, что привнесение в дело о выдаче патента вопроса о наличии исключительности представляет собою нечто неопределенное и может только осложнять производство дела. Гораздо проще допускать всякого рода доказательства, оценка коих во всей полноте зависит от усмотрения Комитета. Притом высказанный Комитетом взгляд не находит себе оправдания в действующем законе, который совершенно отрешился от архаической системы

формальных доказательств, требуя обязательного представления письменных доказательств только в виде исключения в точно перечисленных случаях и по соображениям, ничего общего с патентным правом не имеющим.

На ряду с приведенным постановлением Комитета, мы читаем и другое: «от свидетелей отбирается подписка об ответственности за ложные показания по ст. 178 УК (ст. 178 имеет применение, ибо согласно ст. 8 закона о патентах на изобретения постановление Комитета приравнено к судебному решению)».

Положение это представляет собою воспроизведение того неправильного, по нашему мнению, указания, которое мы находим в недавно изданной книге проф. Хейфеца «Основы патентного права», где автором дан комментарий нового закона о патентах с целью «выявить тот базис, на котором будет строиться первоначальная практика Комитета и судебных учреждений» (стр. 4).

Указание свое названный автор основывает на том соображении, что разбирательство в Комитете может быть приравнено к дознанию, производимому административной властью, а потому и правдивость свидетельских показаний должна гарантироваться санкцией ст. 178 УК (ст. 390).

Комитет же в этом вопросе идет еще дальше: он считает, что его постановление при разрешении протеста, принесенного по ст. 8, приравнивается к судебному решению.

Оба обоснования, на наш взгляд, одинаково неправильны. Даже при исполнении своих «судебных функций» Комитет, по смыслу ст. 97 УПК, к органу дознания приравнен быть не может уже потому, что предметом дознания служат дела с указаниями на признаки преступления. Поскольку в делах по заявкам на изобретения возникли бы подобные признаки, дела эти подлежали бы передаче из Комитета подлинному органу дознания или следствия.

Что касается приравнивания постановления Комитета к судебному решению, то для сего также нет никаких оснований, ибо в чем бы ни выразилось постановление Комитета, в удовлетворении ли ходатайства третьего лица, т. е. в признании поступившей заявки недействительной, или в отклонении такого ходатайства,—в обоих случаях постановление не возвышается выше уровня постановления административного органа, каковым в действительности и является Комитет.

Спор же между управомочным и неуправомочным лицом при всяком разрешении его Комитетом еще может предстоять сделаться предметом разбора в действительном суде, в суде первой инстанции, в порядке ст. 21 постановления.

Сказанным уясняется, что постановление Комитета несколько не походит на судебное решение, ибо не может одно дело дважды впервые решаться в суде первой инстанции.

И хотя постановление 12 сентября рядом с упоминаемым о вступлении судебного решения в законную силу говорит и о вступлении постановления Комитета также в законную силу (ст. 8), а в одном случае применяет даже выражение «патент присуждения» (ст. 39), но все это нужно отнести исключительно к неудачной редакции закона, а не принимать за доказательства того,

будто постановление Комитета и судебное решение равны друг другу.

Посему применение ответственности по ст. 178 УК за ложные показания в Комитете не находит подтверждения в действующем законе. Если же, однако, карательная санкция необходима для обеспечения правильности даваемых в Комитете показаний, то это должно быть проведено не путем правотворчества (аналогия с палаткой), а лишь законодательным порядком.

Дальнейший тезис, заставляющий обратить на себя внимание, дан Комитетом по вопросу о том, какой документ является «необходимым и достаточным» для установления перехода прав на изобретение от действительного изобретателя к заявителю.

Содержание тезиса следующее: «в виду того, а) что отчуждение патента переносит все права по патенту от изобретателя на патентообладателя (ст. 9 декрета о патентах), б) что такой переход прав отмечается в патентном реестре, как безусловный (ст. 41 декрета о патентах), признать необходимым для перехода прав по изобретению представление в Комитет документа, из которого явствовал бы безусловный переход прав по изобретению. Документ этот может быть в виде специального переуступочного акта или в виде договора— существенным является заявление изобретателя о полном переходе прав к третьему лицу, не обусловленном отменительными или отлагательными условиями».

Эта цитата — сплошное недоразумение.

Начнем с того, что при формулировке вопроса, на который дан вышеприведенный ответ, сделана ссылка на инструкцию Президиума ВСНХ от 29 ноября 1924 г., отд. I, п. «в» (инструкция эта опубликована в № 2 «Вестника Комитета»).

Но в п. «в» упомянутой инструкции говорится о том, что «указание на переход прав может быть изложено и на отдельном листе и включено в текст доверенности». Стало-быть, уже неверно то, что документом, подтверждающим переход прав по изобретению, должен быть специальный переуступочный акт или договор. То же самое, оказывается, можно подтверждать всякого рода письменными документами, как-то: письма, заявления и т. п. И вообще ни в постановлении и ни в каких иных законах не указано, чем должен и может доказываться переход или переуступка прав. Следовательно, согласно общим началам наших действующих законов единственно правильным было бы констатировать, что в доказательство переуступки прав по изобретению могут быть представляемы всякие письменные документы, а не только специальные акты и договоры.

Далее, ни ст. 9, ни ст. 41 постановления не дают никакого повода к заключению, чтобы запрещалась условная передача права на патент и чтобы при передаче этого права были недопустимы какие-либо условия, отменительные или отлагательные.

Вообще же вопрос о допустимости условных сделок по передаче прав не представляет собою ничего специфического в применении к патентному праву, и вопрос этот всецело относится к сфере действия общегражданских законов, со стороны коих, как и со стороны постановления 12 сентября,

никаких препятствий к условным сделкам по передаче права на патент не ставится.

Значительный интерес должен возбудить вопрос, изложенный в следующей формулировке: «составляет ли внесение в патент имени лица, участвовавшего в разработке изобретения лишь оказанием существенно-необходимой технической помощи, суб-ективное право этого лица».

На этот вопрос Комитет дает ответ: «ст. 4 декрета о патентах различает между соавторством и оказанием существенно-необходимой технической помощи в разработке изобретения. В первом случае закон постановляет, что соавторы имеют право на получение патента (абзац 2), а во втором случае указывается, что патент может быть выдан также на общее имя нескольких лиц в том случае, когда некоторые из них участвовали в разработке изобретения лишь оказанием существенно-необходимой технической помощи, о чем и должно быть указано в патенте (абз. 3). Таким образом, необходимый сотрудник может быть указан в патенте, как таковой, лишь по заявлению изобретателя. Самостоятельного притязания на со-обладание патентом и на то, чтобы быть указанным в патенте, у него нет».

Вывод, к которому пришел Комитет в изложенном вопросе, по нашему мнению, неправилен, равно как неубедительны и соображения, на коих этот вывод основан.

И здесь также приходит нам на память, что таким же точно образом решает этот вопрос и проф. Хейфец в вышеупомянутом его сочинении, полагая, что правомочным на просьбу о выдаче патента на общее с сотрудником имя по ст. 4 постановления является только сам автор и что спор между сотрудником и автором изобретения, сделавшим заявку, может подлежать суду лишь в том случае, если между ними был заключен договор о помещении имени или участия сотрудника в патенте (стр. 348).

Нам, наоборот, думается, что поименования и права участия в патенте сотрудник может добиваться независимо и даже вопреки воле автора изобретения, при чем суду будут подлежать такого рода споры не только в том случае, когда имеется договор, но даже и при отсутствии договора, если только налицо окажутся соответствующие обстоятельства.

По смыслу ст. 4 постановления дело заключается не в одном лишь указании в патенте имени сотрудника, оказавшего заявителю существенно-необходимую техническую помощь, а в получении права на патент совместно с лицом, коему эта помощь была оказана. Сотрудничество, о котором идет речь, порождает право на соавторство.

Что разумеет закон под «существенно-необходимой технической помощью», это—вопрос факта, и наперед очертить сколько-нибудь конкретно характер и объем этой помощи закон, конечно, не мог. Во всяком случае, это не есть предоставление изобретателю помещения с отоплением и освещением, как это было в одном деле, дошедшем до Комитета по делам изобретений, когда один из госорганов заявил притязание на совместный с другим лицом патент, основывая свои домогательства на указанного

рода помощи*). Надо думать, что помощь должна непосредственно относиться к процессу изобретательского творчества и должна быть такова, чтобы она могла быть признана достойной соревнования с деятельностью главного изобретателя, который, как автор так сказать первого порядка, претендует на выдачу ему патента, ибо только при таком условии закон и мог давать виновнику оказанной помощи притязание совместно с автором на патент.

Противопоставления выражений «имеют право на получение патента» и «может быть выдан» еще недостаточно для принятия столь важного вывода, который сделан Комитетом. Разница этих выражений скорее всего представляет собою лишь редакционные варианты, без какого-либо различия во внутреннем существе правоотношений, могущих возникнуть из сотрудничества.

Наконец, наибольшего внимания заслуживает вопрос, изложенный в постановлении Комитета за № 33 и касающийся самых основ патентного права.

Изложен он в следующем виде: «изобретатель осужден губсудом по ст. 113, ч. I, УК; с него взыскивается в пользу госучреждения 34.377 руб., при чем предписано наложить арест на всякое имущество изобретателя. Имеется в Комитете заявка изобретателя, по которой выдано заявочное свидетельство. Достаточно ли сообщения судебного исполнителя для переноса заявки на имя государственного учреждения, или для этого требуется особое судебное постановление?». Ответом на этот вопрос служит следующее постановление Комитета: «принимая во внимание, что декрет о патентах на изобретения не делает никаких исключений для патентов и заявочных свидетельств в отношении принудительного их отчуждения, признать, что в данном случае должно иметь место обычное исполнительное производство».

Из изложенного видно, что вся мысль Комитета в указанном вопросе сосредоточилась над разрешением лишь того, достаточно ли для переноса заявки на имя кредитора исполнительного листа на взыскание денежной суммы, или для этого нужно специальное решение суда. Самую же возможность принудительного отчуждения от изобретателя его права на патент по обращенному против него денежному взысканию Комитет считает не требующей обсуждения и бесспорно вытекающей из отсутствия в законе на этот счет запрета.

Отметим здесь прежде всего, что если даже и согласиться с взглядом Комитета, то все же остается непонятным, почему имущественная ценность, воплощаемая патентом, в отступление от действующих законов сразу передается кредитору путем «переноса заявки» на его имя, а не подвергается оценке и продаже, и как быть в том случае, если явится не один, а несколько кредиторов.

Действительно, помимо случаев, специально оговоренных (ст. 15 постановления), закон молчит и не дает никаких указаний относительно возможности или невозможности принудительного отчуждения от автора патента и в других случаях **).

*) См. статью «Государственная промышленность и патентодержатель»—«Вестник Комитета» № 1.

***) Подобным же образом по отношению к авторскому праву обстоит дело и в постановлении ЦИК и СНК СССР об основах авторского права.

Но мы сомневаемся, чтобы умолчание это можно было толковать в сторону допущения такой возможности.

Думается, что и установленное постановлением 12 сентября при наличии строго определенных условий (отношение изобретения к области государственной обороны, важность изобретения для страны, отсутствие добровольного согласия изобретателя) принудительное отчуждение в пользу государства не предвещает еще в положительном смысле общего вопроса о подобной возможности.

Мы не говорим уже о том, что за отсутствием в законе указаний, в каком порядке было бы возможно принудительное отчуждение прав на патент по денежному взысканию, возникает ряд неразрешимых вопросов: на какой срок можно отчуждить патент, как его затем передать обратно, как капитализировать право на патент для установления эквивалентности его сумме взыскания, обязательно ли предварительно добиваться согласия изобретателя и т. п.?

Но здесь мы вплотную подходим к коренному вопросу патентного права: ради чего закон дает изобретателю патент, т. е. право в течение определенного срока эксплуатировать изобретение исключительно в свою пользу? В особенности, какие мотивы побудили законодателя установить патентное право у нас, где господство коллектива над интересами отдельных лиц составляет фундамент всего нашего хозяйственного права?

Поскольку законом дозволяется принудительное отчуждение в пользу государства, уже трудно аргументировать общепринятыми в прежнем праве доводами о неразрывной связи автора с его изобретением, о неотъемлемости авторского права от автора или «неприличия приятия принудительных мер исполнения со стороны кредиторов против автора»¹⁾.

Но есть такие доводы, которые вполне отвечают

духу и смыслу нашего права и которыми можно обосновать запрет лишать изобретателя принадлежащего ему права на патент путем обращения взыскания. Обоснование это всецело базируется на мотивах допущения у нас монопольного права изобретателя. Мотивы же эти состоят в особых соображениях хозяйственной целесообразности, в интересах развития производительных сил страны (прогресс техники и промышленности), предоставления изобретателям срочных монопольных прав. Изобретательская деятельность и активность, равно как и стимулы к усовершенствованию сделанного изобретения, могут быть сильно подорваны, если человек, способный к изобретательскому творчеству, но состоящий кому-либо должным, вынужден опасаться, что все его творчество пойдет исключительно в пользу его кредитора, который вместо него и получит патент, и если он будет сознавать, что его кредитор имеет право не только на доход от изобретения, но и на самый патент. Те же мотивы, которые побудили нашего законодателя дать патентное право, должны гарантировать изобретателя также и от изъятия от него патента за долги. Максимум, на что может рассчитывать кредитор, кто бы таковой ни был, это—лишь доходы от эксплуатации автором его изобретения, поскольку кредитор их обнаружит или в момент продажи изобретателем патента, или в момент предоставления третьему лицу лицензии, или в момент выплаты автору заводом или кем-либо другим авторского вознаграждения.

Во всяком случае, мы не можем признать решение Комитета по излагаемому вопросу столь категоричным и бесспорным, и полагаем, что вопрос этот подлежит или законодательному разрешению или авторитетному разъяснению НКЮ. Суждения НКЮ были бы весьма ценны также и по остальным, изложенным выше вопросам.

А. Ясвин.

Крестьянское налогообложение.

Почти в каждой деревне, где нет сельсоветов, крестьяне выносят постановления о оборе на содержание уполномоченных сельсоветов. Обор определяется различно: рожью—2 фун. с едока, 20 фун. с домохозяина, 25 пудов в год со всего селения; деньгами—40—60 руб. в год. Иногда же—в зависимости от доброй воли каждого крестьянина, т. е. «кто сколько может дать».

В результате всего этого получается превращение уполномоченного в «деревенского попрошайку». Ходит он по крестьянам и просит: «Дайте мне что-нибудь за мою постоянную работу для вас». Одни дают—другие нет. Попадает на кулачка и получает от него не только отказ, но и выслушивает разные критические замечания: «Итак, без того задыхалось от налога».

Отчего же это получается. Как смотрит на это законодатель? Примечанием 2 ст. 14 положения

о сельсоветах устанавливается институт уполномоченных сельсоветов для селений с числом жителей от пятидесяти до ста, а также для селений, имеющих общий совет с соседним селом. Роль их заключается в установлении связи между сельсоветом и избирателями. Подробного разъяснения об обязанностях уполномоченных не имеется. Но надо полагать, по смыслу ст. 24 положения о сельсоветах, что поскольку они являются членами сельсовета, постольку они должны участвовать в заседаниях совета и его комиссиях, а также выполнять отдельные поручения сельсовета. Следовательно, законодатель имеет в виду работу уполномоченного только в указанных пределах и не требует от него совершенного отрыва от своего трудового хозяйства, т. е. работа уполномоченного не является повседневной и постоянной, а только периодической.

Казалось бы, последний вопрос разрешается достаточно ясно законом, и не должно иметь место «самоналоготворчество» и «попрошайничество». Со-

¹⁾ Wa hter, Das Autorrecht, S. 113.

ветская работа в разбросанных деревнях, поскольку она постоянная, должна выполняться аппаратом сельсовета, а периодическая—уполномоченными и сельскими исполнителями. Первые состоят на сельбюджете, а вторые выполняют свои общественные функции бесплатно.

В практике же эта работа протекает в совершенно ином виде: во-первых, ст. 59 Конституции не соблюдается. Прежде всего, за недостатком местного бюджета, существуют сельсоветы в радиусе от 10 до 30 верст, обслуживающие от 5 до 30 отдельных деревень, в которых насчитывается в большинстве свыше 300 жителей. Сельсовет расположен от некоторых деревень в 3—10 верстах, поэтому аппарат сельсовета, состоящий из одного или двух человек, не может выполнять всю свою постоянную работу и разделяет ее со своими уполномоченными, без оплаты последних из средств сельбюджета. Во-вторых, уполномоченные сельсоветов одновременно совмещают обязанности члена сельсовета и сельского исполнителя, т. е. выполняет обязанности трех лиц. Это значит: уполномоченный отрывается совершенно от своего хозяйства и несет советскую работу днем и ночью, не менее 8 часов в сутки, не получая жалованья от сельсовета. В третьих, института сельских исполнителей фактически не существует. Порою сельские исполнители привлекаются к работе лишь в тех селениях, где расположены сельсовет, ВИК, волмилиция, а там, где нет последних, их роль исполняет уполномоченный. Особого сбора с лиц, лишенных избирательного права и не несущих поэтому обязанностей сельских исполнителей, совершенно не производится. (См. пункт 5 постановления ВЦИК'а от 27 марта 1924 года). Кре-

стьяне не желают бесплатно нести обязанности сельисполнителя в течение 2-х месяцев, а предпочитают уплатить уполномоченному 2 фун. ржи с едока или 25 фун. с хозяйства, чтобы он выполнял всю советскую работу для их деревни, не отрывая их от работы своего хозяйства. Крестьянин говорит: «Лучше я дам 20 фунтов ржи в год, чем буду дежурить 2 месяца бесплатно. За это время я оправдаю с излишком этот расход. В четвертых, были случаи отмены постановлений крестьян о таком самоналоготворчестве. Но это не помогает. Тогда сбор производится нелегально, и уполномоченные превращаются в подлинных деревенских нищих.

Какой же может быть в этом выход? Как сохранить ненарушимость революционной законности? И вообще как положить этому делу конец?

Нужно провести срочно следующие мероприятия:

1) Ограничить работу уполномоченных сельсоветов и сельисполнителей указанными в законе пределами и привлекать их к работе на такие сроки, чтобы их отрыв не приносил значительного ущерба для хозяйства. 2) Оплачивать их работу из сумм, образуемых от особого сбора, получаемого с лиц, лишенных избирательного права, или за счет усиления бюджета сельсоветов.

Таким образом, затронутый вопрос должен быть разрешен и не только в целях укрепления революционной законности и уничтожения подпольного крестьянского самоналоготворчества, но и также в целях поднятия работоспособности низового сов-аппарата и общего авторитета советской власти.

Я. Юрьев.

Борьба с проституцией путем уголовной репрессии¹⁾.

Одним из тяжких социальных зол, унаследованных нашим обществом от прошлого, является проституция. Полная ликвидация этого явления — дело будущего, дело дальнейшего переустройства социальных отношений, но и в настоящий момент, поскольку проституция является определенным социальным злом, она с необходимостью вызывает соответствующую реакцию со стороны суда. Как же реагирует советский суд на это социальное зло?

Прежде всего надо отметить, что у нас проституция потеряла всякий характер юридического института, так как более нет правовых норм, регулирующих занятие проституцией²⁾ и объединяющих занимающихся проституцией женщин в одну группу по признаку их занятия. У нас нет проституции, как

юридического института, но есть проституция, как фактическое состояние, и это фактическое состояние признается громадным злом, с которым государство борется. В этой борьбе суд является сильным оружием, и роль суда в этой борьбе с точки зрения действующего уголовно-материального закона мы и хотим рассмотреть в настоящей статье. Роль эта в достаточной мере сложна, не всегда правильно понимается, а потому и тему нашей статьи надлежит признавать достаточно серьезной.

Интересующему нас вопросу в действующем Уголовном Кодексе посвящены две статьи — ст. ст. 170 и 171, и их анализ дает определенные теоретические и практические выводы. Ст. 170 УК предусматривает насильственное принуждение к занятию проституцией, ст. 171 — сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции (в этой статье в отличие от предыдущей признак принуждения, насилия обязательным не является). Проект Уголовного Кодекса, принятый Коллегией НКЮ, обе эти статьи объединяет в одну ст. 169, не меняя их содержания. Анализируя эти статьи, надлежит прийти к следующим выводам.

¹⁾ Статья печатается, как дискуссионная. Редакция.

²⁾ Хотя и существовавшие в дореволюционное время различные изданные в административном порядке правила по этому вопросу (система желтых билетов, регистрация домов терпимости, врачебный надзор и т. п.) лицемерно не включались в систему действующего права, т. е. не были проведены в законодательный порядок, но это были самые настоящие правовые нормы, регламентирующие занятие проституцией и придававшие ей характер правового института. М. С.

1. Ст. ст. 170 и 171 УК направлены против лиц, содействующих занятию проституцией, но не против лиц, занимающихся проституцией. Занятие проституцией по советскому праву ненаказуемо. Это положение носит совершенно бесспорный характер. Иногда (в общем очень редко) в судебной практике встречаются случаи привлечения к ответственности по ст. 171 УК и лиц, занимающихся проституцией (непосредственно или по аналогии). Такое толкование статьи 171 УК, основанное на полном непонимании текста и смысла закона, безусловно подлежит полному искоренению из судебной практики.

В этом отношении советское законодательство категорически отвергает положение дореволюционного уголовного права, согласно которому «за неисполнение распоряжений правительства, относящихся к предупреждению неупотребства и пресечению вредных от оного последствий, виновные подвергаются: аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей» (ст. 44 уст. о нак.). Под эту статью попадали, главным образом, женщины, занимавшиеся проституцией без «надлежащего разрешения».

2. Ст. ст. 170 и 171 УК помещены в разделе «Преступления в области половых отношений», который в свою очередь входит в главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Это значит, что преступления, предусмотренные обеими указанными статьями, направлены против личности женщин, занимающихся проституцией¹⁾. Иными словами, ст. ст. 170 и 171 УК охраняют свободу и достоинство личности женщины. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 170 и 171 УК, занимающаяся проституцией женщина является потерпевшей. Поэтому по такого рода делам существенным обстоятельством является то, насколько данное конкретное преступление нарушило свободу и достоинство женщины, насколько эта женщина (или женщины) пострадала в результате преступления. На практике же подобные преступления (особенно по ст. 171 УК) часто совершенно неосновательно сближаются с преступлениями против порядка управления или с нарушением правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок (глава 8 УК). Правда, эти неправильности допускаются не столько судами, сколько органами дознания, но неправильно проведенное по таким делам дознание безусловно отрицательно отражается на полноте расследования дела и, следовательно, на качестве судебного приговора. По многим делам дознание обращает особое внимание на обстоятельства вроде следующих: не распивали ли в притоне спиртные напитки, не было ли скандалов, не нарушали ли ночью тишины, не обворовывали ли посетителей, не играли ли в карты, и т. д.; данные же о том, в какой мере эксплуатировались женщины, насколько нарушались их элементарные человеческие права, какими способами их вовлекали в занятие проституцией и какие меры принимали к тому, чтобы помешать им бросить подобное занятие, и, наконец, какой масштаб деятельности преступника по сводничеству или вер-

бовке женщин,—часто остаются совершенно неосвещенными. Тем не менее совершенно ясно, что все последние обстоятельства имеют существенное значение для дела, так как способы совершения преступления и размер причиненного объекту преступления (т. е. личности женщины) ущерба необходимы для определения степени социальной опасности как преступника, так и преступления.

3. Преступления, предусмотренные ст. ст. 170 и 171 УК, имеют корыстный характер. Ст. 170 УК так и гласит: «принуждение из корыстных или иных личных видов и т. д.» Обычно эти «иные личные виды» также бывают корыстными, так как трудно себе представить «личные виды», которые побуждали бы человека принуждать женщину к занятию проституцией и в то же время были бы лишены корысти. Мотивы же патологического свойства (различные половые извращения) скорее влекут применение мер социальной защиты медицинского, чем судебно-исправительного порядка. Преступления же, предусмотренные ст. 171 УК — сводничество, содержание притонов разврата и вербовка женщин для проституции — также носят корыстный характер, так как являются своего рода промыслом, способом извлечения доходов из того или иного вида торговли женским телом. Если же этой корысти нет, нет и преступления, так как поскольку ненаказуемо само занятие проституцией, наказуемым может быть лишь использование другим лицом этого занятия из корыстных побуждений. Совершенно неправильно толковать ст. 171 УК в том смысле, что лицо, в помещении которого другие лица занимаются развратом, тем самым «содержит притон разврата», хотя бы оно от этого не имело никакой материальной выгоды. Содержатель притона разврата (в смысле ст. 171 УК) должен получать какую-либо материальную выгоду от того, что в его помещении предаются разврату (напр., плату с каждого посетителя), иначе он не может считаться «содержателем», и в его действиях, выразившихся, напр., только в том, что оно сдало комнату женщине, занимающейся проституцией, не будет никакого состава преступления. Привлекать же к ответственности лиц, в помещении которых проживают занимающиеся проституцией женщины, означает не что иное, как лишение женщин, занимающихся проституцией, всякого права проживать в жилищах помещений, и такой порядок не предусмотрен ни жилищным, ни каким иным законом...

По этому вопросу интересно недавно вынесенное определение угол. касс. коллегии Верховного суда РСФСР по следующему делу. Гр-ка Б. содержала номера для приезжающих. Один из этих номеров иногда занимала гр. П., приводившая к себе посетителей. Получение Б. какой-либо платы с П. судом не было установлено, тем не менее суд приговорил Б. по ст. 171 УК к 3 годам лишения свободы, с конфискацией части имущества и с поражением прав на 3 года. УКК Верховного суда РСФСР отменила приговор и прекратила дело, при чем мотив прекращения дела был следующий: «... из приговора суда, если даже считать инкриминируемое Б. обвинение доказанным, не усматривается одного из основных признаков, требуемых для применения ст. 171 УК, т. е. не устанавливается, что Б. получала от лиц, посещающих ее номера в целях разврата, имущественные выгоды» (определение № 28849 от 28 авг. 1925 г.).

¹⁾ Мы говорим только о женщинах, так как женская проституция носит распространенный характер, но применение тех же статей вполне возможно и в случаях содействия проституции мужчин (по аналогии). М. С.

Ст. 169 проекта Уголовного Кодекса, объединяющая ст. ст. 170 и 171 УК, вообще умалчивает о мотивах преступления.

Мы считаем, что это умолчание не меняет положения дела, так как мотив корыстной заинтересованности, как было указано выше, необходимо присущ подобным деяниям, иначе они теряют свойства преступления.

4. Применяемая судом мера уголовной репрессии за преступления, предусмотренные ст. ст. 170 и 171 УК, с нашей точки зрения определяется следующими принципами¹⁾.

Отягчающими обстоятельствами являются: масштаб деятельности преступника, систематичность преступления, степень эксплуатации женщин, использование их беспомощного или зависимого положения. Но равно никакого значения для определения меры репрессии не имеет вопрос о том, занималась ли потерпевшая женщина ранее проституцией или нет (разумеется, если не инкриминируется вербовка женщин для проституции, в каком случае для наличия самого состава преступления необходимо, чтобы женщина хотя бы в последний перед преступлением момент не занималась проституцией). Уголовный закон одинаково оправдывает права женщины, независимо от того, является ли она проституткой или нет. Проститутка не может рассматриваться как какое-то существо низшего порядка и по известному, заслушанному несколько месяцев тому назад в Московском губсуде делу по обвинению администрации «Вара» по ст. 171 УК — тяжесть

уголовной репрессии обрушилась на голову виновных, несмотря на то, что потерпевшие были профессиональными проститутками.

Наоборот, смягчающими обстоятельствами являются темнота и невежество, тяжелое материальное положение виновного и случайный характер преступления. Часто встречаются дела, по которым виновным является неимущий и нетрудоспособный старик или старуха, многосемейный мелкий ремесленник (кузнец, сапожник), сдающий комнату занимающейся проституцией женщине и получающий плату с каждого посетителя, — в этих случаях мера репрессии должна быть мягче²⁾.

Мы указываем только примерный перечень отягчающих и смягчающих обстоятельств, так как по каждому конкретному делу суд руководствуется правилами ст. ст. 24 и 25 УК.

Резюмируя все изложенное в настоящей статье, можно сказать, что закон, считая проституцию тяжким социальным злом, отказывается от борьбы с ней путем применения мер репрессии к самим лицам, занимающимся проституцией. Все же лица, которые по мотивам корыстной заинтересованности в той или иной мере содействуют проституции, подвергаются всей тяжести уголовной репрессии за преступления, имеющие своим объектом свободу и достоинство тех лиц, которые тяжельным стечением жизненных обстоятельств обращены на путь этого физически и морально разрушительного для них занятия.

М. Строгович.

Прокуратура и земельные комиссии.

(По данным ревизий и отчетов).

Деятельность земельных комиссий непосредственным образом затрагивает интересы крестьянства.

Понятно поэтому стремление прокуратуры распространить общий надзор за законностью и на деятельность земельных комиссий. Директива «стать лицом к деревне» ставила перед прокуратурой задачу: по возможности усилить надзор в данной области.

Однако, установить регулярное наблюдение за деятельностью земельных комиссий в таком хотя бы объеме, как это, скажем, имеет место в отношении следователя или обязательных постановлений ГИК'ов и УИК'ов, прокуратура возможности не имела.

В 1923 году связь прокуратуры с земельными комиссиями в большинстве мест почти совершенно отсутствовала. Оживление в работе по надзору за земельными комиссиями заметно лишь со 2 полугодия 1924 года, т. е. совпало с периодом оживления

работы прокуратуры в деревне. Вместе с тем отчет Центральной Прокуратуры за 1924 г. констатирует, что «хотя в работе прокуратуры по надзору за деятельностью земельных комиссий в течение 2 полугодия 1924 года и заметно оживление, тем не менее в большинстве случаев достаточно развернувшейся ее считать нельзя, она продолжает носить эпизодический характер, в уездах она определенно поставлена слабо, что прямо признает большинство ревизий и ряд отчетов с мест».

В течение первого полугодия 1925 года надзор за земельными комиссиями еще более оживляется, но все же не достигает того уровня, который позволял бы сказать, что повсюду или даже в большей части губерний и уездов обеспечена регулярность и плановость его.

Что касается способов и форм надзора, то они в большинстве случаев сводились к простому и надлежащему направлению крестьянских жалоб на решения земельных комиссий, к затребованию в порядке надзора и опротестованию незаконных решений и вообще к вступлению в земельный процесс в порядке ст. 2 ГПК, участием в заседаниях уездных

¹⁾ Ст. 169 проекта УК, в связи с общей тенденцией проекта к снижению репрессии влечет лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией всего или части имущества, тогда как ст. 170 и 171 УК имели санкцию более суровую — не ниже 3 лет, а в особо-квалифицированных случаях (2 ч. 171 ст. УК) — не ниже 5 лет лишения свободы. М. С.

²⁾ Как видно из всего вышеизложенного, получение с занимающихся проституцией женщин обычной квартирной платы вообще не является преступлением. М. С.

и губернских земельных комиссий, в пленумах губсуда, на которых согласно циркуляра НКЮ за № 35—1924 г. периодически должны были заслушиваться доклады о работе земельных комиссий, наконец, к обследованиям их, в особенности в деревне.

По мере того, как улучшались и становились более регулярными выезды лиц прокурорского надзора в деревни, естественно, усиливалась и связь с волземкомиссиями.

В первом полугодии 1925 г. они поэтому подвергались обследованиям чаще, чем раньше.

Так, например, произведено обследований земкомиссий:

ГУБЕРНИЯ	1924 г.	1 полугод. 1925 г.
Новгородская	11	19
Уральская обл.	82	104
Череповецкая	3	31

Число обследований земкомиссий по различным губерниям неодинаково, что указывает на то, что надзор за земельными комиссиями не всюду достиг одинакового уровня, что некоторые губпрокуратуры отставали. Так, например, было за 1 полугодие 1925 г. обследовано земкомиссий Вологодской губпрокуратурой—15, Калужской—7, Тверской—6, Смоленской—72, Ульяновской—18, Омской—4, Новгородской—19, Череповецкой—31, Рязанской—64 (из общего числа 114 волземкомиссий в губерниях).

Обследования носили в большинстве случаев довольно глубокий характер. Некоторыми губпрокуратурами был выработан для помощников план обследований волземкомиссий. Так, Рязанской губпрокуратурой для того, чтобы обследование земкомиссий не имело поверхностного характера и чтобы оно не свивалось на осмотр книг, нарядов и дел с точки зрения канцелярской техники, преподан пом. прокурора краткий план ознакомления с работой волземкомиссий. План обследования охватывает работу земкомиссий с точки зрения правильности классовой линии (соблюдение ст. 5 ГПК в смысле защиты бедняцких слоев деревни, соблюдение циркуляра НКЗ № 21—1923 г. о правах на землепользование лиц безвестно-отсутствующих, нарушение коего отражается, главным образом, на женах красноармейцев), с точки зрения организационной (не наблюдается ли срывов заседаний из-за неявки председателя или членов земкомиссий). Кроме того, план указывает на наиболее часто встречающиеся ошибки в работе земкомиссий, которые в первую очередь надобно изжить (нелепость резолютивной части решения, написание решения рукой секретаря, несоблюдение 217 ст. З. К.). Особо выделено обследование старых дел. Главное внимание было обращено на быстроту прохождения дел в земкомиссиях и на устранение волокиты. За всеми «старыми делами» организовано особое наблюдение помпрокурора. Было предложено губземкомиссии при направлении вторично в уземкомиссию при отмене судебных земельных дел, в коих заинтересовано большое количество гр—н, не оставаться перед посылкой своих специалистов

в уезды для подготовки дел, чтобы уземкомиссия не повторила вновь тех же ошибок и дело вновь не возвратилось бы необследованным. В единичных случаях по делам, находящимся в стадии землеустройства и грозящим в случае превращения их в спорные затянуться, помощники прокурора выступают при рассмотрении проекта землеустройства в уземкомиссии. Предложено далее помпрокурору ознакомиться с планом землеустроительных работ и обратить внимание на старые дела (возвращенные из земкомиссии), настаивая на скорейшем их окончании. В виду того, что в прошлом году в Рязанской губернии были случаи острых конфликтов гр—н на почве неразрешенных земельных дел, помпрокурора был преподан циркуляр, в коем указывались возможные причины конфликтов и предлагалось принять всевозможные меры для их предотвращения (недопущение вмешательства административных властей, преждевременного запользования земли при неоконченном землеустройстве).

Что касается количества участия в заседаниях, числа принесенных протестов на решения их и вступления в процесс в порядке ст. 2 ГПК, то оно, как было упомянуто, увеличивается в последнем полугодии, но само по себе выражается в довольно небольших цифрах.

ГУБЕРНИЯ.	Истребв. д. л.	Принесено протестов.	Количество участия в заседаниях.	Вступл. в пор. ний в пор. ст. 2 ГПК
Забайкальская	4	2	7	4
Марийская обл.	11	2	—	6
Пензенская	42	18	18	—
Новгородская	31	4	—	34
Омская	17	—	—	16
Нижегородская	24	2	—	2
Астраханская	3	1	—	—

В результате обследования земельных комиссий и приближения к ним прокурорского надзора был выявлен ряд крупнейших недочетов в их работе.

Неудовлетворительное в большинстве состояниях земкомиссий побудило ряд губпрокуратур и местных руководящих органов поставить даже вопрос о полном упразднении земкомиссий и передаче разбора земельных дел нарсудам. На такой точке зрения, например, стала губпрокуратура и губисполком Енисейской губернии (постановление президиума ГИК от 26/XII—1924 г.).

Хотя эта точка зрения пока не получила признания со стороны наших законодательных органов, но все же ряд недочетов был учтен и послужил поводом к изданию постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 февраля 1924 г.

Однако, судя по сообщениям с мест за 1 полугодие 1925 г., недочеты в деятельности земкомиссий еще далеко не изжиты и в текущем году.

«Встречались (при обследовании) волземкомиссии, совершенно бездействовавшие в течение 6 месяцев»,—замечает прокурор Ульяновской губернии.

Прокурор Смоленской губернии, который в качестве председателя 2 особых комиссий по обследованию низового советского аппарата около 2 мес.

цев пробыл в деревне, следующим образом характеризует работу волземкомиссий: «Волземстолы работают совершенно слабо и отсутствует закономерность в их работе. Вся их работа ничем не отличается в настоящее время от работы их в 1918, 1919, 1920 г.г. Законов совершенно не знают, чем в большинстве случаев создают споры сами же земстолы с населением. Технический персонал, за редким исключением, слабый и неподготовленный благодаря тому, что земстолы не имеют строго прикрепленное лицо в виде делопроизводителя или секретаря, а также частая смена канцелярского персонала не дает возможности иметь более опытного работника, да он и не пойдет за ту мизерную плату, которую выплачивают низовому советскому аппарату в волостях (15 р. в месяц)».

Прокурор Тверской губернии, с своей стороны, констатирует, что «весьма длительная задержка прохождения дел в земкомиссиях, излишний формализм и волокита, естественно, неблагоприятно отзываются и на отношениях крестьянства к советской власти».

Прокурор Сталинградской губ. указывает, что волземкомиссии принимают дела об алиментах, поправах, что выносимые решения отменяются резолюцией заведующих земельными столами.

Касаясь земельных споров, прокурор Ленинградской губернии пишет: «дела этой категории безусловно требуют скорого разрешения, так как земельная неурядица в процессе спора задерживает запашку и засев, что разоряет крестьянина и подчас служит почвой для самоуправных эксцессов».

Между тем, в этих делах, в период прохождения их по инстанциям и судебного разбирательства, усматривается большая медленность. Эта медленность, объясняемая, видимо, переобременением дел в земкомиссиях, представляет, можно сказать, своего рода систему и проявляется иногда даже в отношениях земорганов с прокуратурой, когда требуемый ответ или дело задерживается иногда присылкой на несколько месяцев (были обнаружены даже случаи утери дел), и приходится посылать повторные требования».

Прокуратура не ограничивалась выявлением всех этих недочетов, но приняла местами весьма активное участие в их устранении.

Что инициатива со стороны отдельных прокуратур может здесь многого достигнуть, доказывает пример Рязанской губпрокуратуры, приведенный в отчете за 1924 г.

В начале 1924 года по инициативе Рязанской губпрокуратуры на местах был поставлен в УИК'ах вопрос о деятельности вол- и уземкомиссий, при чем во всех уездах была констатирована неудовлетворительность их работы.

Некоторые меры были приняты при содействии УИК'ов, но для постановки вопроса во всей его широте нужно было содействие губкома и губисполкома. Ближайшим поводом для постановки вопроса о земкомиссиях был печальный случай: столкновение двух групп граждан в селе Алексеевском из-за земли, спор о которой в течение 2 лет не был разрешен земорганами.

В результате работы выделена была губкомом особая комиссия с участием прокуратуры, предсе-

дателя губземкомиссии, зампредгубсуда по гражданскому отделению. Президиум ГИК 8 августа 1924 г. постановил о проведении в жизнь ряда существенных мер для улучшения деятельности земкомиссий.

Так, предложено было укомам и УИК'ам при выборе кандидатов в состав волземкомиссий обратить внимание на подбор их с точки зрения политического развития, грамотности, нравственной репутации и доверия населения. Утверждение членов волземкомиссий согласовывать с уездной комиссией, выделить расходы на обеспечение волземкомиссий необходимыми средствами в особую смету расходов по волости; привлекать к работе в волземкомиссиях женщин-крестьянок; шире поставить оказание юридической помощи по земельным делам.

Председателей волземкомиссий по возможности освобождать от каких-либо других обязанностей, помимо работы в волземкомиссии, то же в отношении заместителей, для того, чтобы максимум внимания они могли уделять работе земкомиссий. Уполномоченных губсуда прикрепить к уземкомиссии, а членов губсуда — к работе губземкомиссий. При уземкомиссии создать должность специалиста-докладчика. Рекомендовать созыв 4 раза в год инструктивных съездов председателей волземкомиссий, с участием местных пом. прокурора и уполгубсуда.

Губземкомиссии и уземкомиссиям предложено производить периодические ревизии и по окончании каждой ревизии устраивать совещания для подробного обсуждения результатов ревизии. Между прочим, обращено было внимание УИК'ов и на необходимость создания нормальной внешней обстановки в заседаниях земкомиссий (особый зал заседаний, комнаты для совещания судей, для изоляции свидетелей и т. п.).

Из отчетов за 1 полугодие 1925 г. видно, что инициатива местных прокуратур, где она имела место, приносила положительные результаты и в этот период.

Обследования Московской губпрокуратурой губземкомиссии дали толчок к проведению следующих мероприятий: а) поставлен был вопрос об устранении в губземкомиссии института специалистов-докладчиков и об увеличении числа ответственных работников, б) при губземкомиссии организована была юридическая консультация для обслуживания населения по земельным делам, в) обращено было, между прочим, внимание на сохранение преемственности в работе волземкомиссий, выдвинута была мысль о целесообразности на будущее время обновление этих комиссий производить путем не единовременного переизбрания всех трех членов комиссии, но одного из членов комиссии в течение известного времени оставлять из прежнего состава для сохранения преемственности в работе.

Некоторые местные прокуратуры обратили внимание и на законность проведения землеустройства и работы соответствующих органов.

Ульяновской губпрокуратурой при обследовании отдела землеустройства губземуправления было, между прочим, установлено, что отдел находится буквально в катастрофическом состоянии. Средств на землеустроительные работы не было ни копейки. Отказал в дотации Наркомфин, отказал ГИК. Единственным выходом из положения было полу-

чение кредита из С.-Х. банка. Свой акт обследования губпрокуратура представила в центр, был произведен необходимый нажим и выход был найден.

Резюмируя сказанное о надзоре за земкомиссиями, приходится констатировать:

1. Надзор прокуратуры на протяжении трехлетия постепенно оживляется, что особенно заметно во 2 полугодии 1924 и еще более в 1 полугодии 1925 г.

2. Однако, и в настоящее время он не достиг уровня, который соответствовал бы бесспорному значению таких органов, как земельные комиссии, в деле смычки с крестьянством и ограждения земельных прав бедноты. Плановость и регулярность надзора за деятельностью земкомиссий, проявление инициативы в улучшении состояния и работы их все еще имеют место скорее в виде исключения, чем правила.

3. В связи с признанием возможным в ближайший период отодвинуть надзор за хозяйственной деятельностью хозяйственных и государственных

органов на второй план (а стало-быть, и освобождением части сил и энергии прокуратуры), с одной стороны, и предстоящим увеличением штатов, с другой, и в соответствии с теми основными объектами работы по общему надзору, которые намечены на ближайший период, представляется своевременным поставить вопрос о повсеместном усилении надзора за земкомиссиями, придания ему большей четкости и включения в качестве одного из обязательных моментов в план общей работы в деревне.

4. Методы надзора в данной области в достаточной степени выявлены в процессе прошлого опыта и целиком могут быть признаны приемлемыми и для развертывания работы в дальнейшем.

5. В частности, местными прокуратурами должно быть уделено большое внимание проведению предусмотренных цирк. НКЮ № 153 (ЕСЮ № 30—1925 г.) мероприятий по ограждению земельных прав женщин-крестьянок.

Н. Лаговнер.

Обзор советского законодательства за время с 21 по 30 сентября 1925 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА С.С.С.Р.

1. ЦИК и СНК СССР приняли постановление от 18 сентября «о введении в действие закона об обязательной военной службе» («Изв. ЦИК СССР», № 217 от 23 сент.). Этот закон является кодификацией изданных на протяжении ряда лет законодательных актов, касающихся обязательной военной службы, с целым рядом изменений и дополнений.

Первая статья этого закона устанавливает, что «защита Союза ССР является обязанностью всех граждан Союза. Оборона Союза ССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися» (ст. 1).

Обязательная военная служба устанавливается для трудящихся мужского пола с 19 до 41 года и складывается из допризывной подготовки, действительной военной службы (по достижении 21 года к 1 января года призыва) и состояния в запасе. Трудящиеся женщины в мирное время принимаются лишь на условиях, установленных для добровольцев. В военное время они могут привлекаться в обязательном порядке к специальной военной службе. Нетрудовой элемент (лишенные избирательного права, лишены прав по суду и административно высланные) отбывают военную службу в тыловом ополчении. Граждане, по рождению и воспитанию входящие в состав семей, принадлежащих к сектам, религиозные верования которых запрещают и запрещали до 1917 г. отбывание военной службы с оружием в руках, освобождаются от этой службы по определению губернских судов. Эти определения должны представляться в подлежащие призывные комиссии не ранее как за 6 месяцев до дня призыва сверстников указанных лиц к допризывной подготовке и не позже как за 6 месяцев до очередного призыва на действительную военную службу. Освобожденные в этом порядке от военной службы используются на особых работах (при лесных пожарах, эпизоотиях и т. п.), а в военное время — в особых командах для обслуживания тыла и фронта.

Закон содержит в себе правила, касающиеся допри-

зывной подготовки, действительной службы, состояния в запасе, порядка призыва и учреждений, ведающих привлечением к отбыванию военной службы, предоставлением отсрочек по призыву, медицинским освидетельствованием и пр. Содержащиеся в законе правила о льготах по семейному и имущественному положению являются воспроизведением постановления ЦИК и СНК СССР от 19 августа с. г. (см. «Обзор» в № 32 «Е. С. Ю.», А, п. 4). В законе имеются специальные главы о привлечении к военной службе граждан СССР, живущих за границей, о прохождении военной службы и состоянии в запасе лиц начальствующего состава, о добровольной службе, о мобилизации.

2. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 22 сент., № 216) предоставлено НКВоенмору право утвердить и ввести в действие временный дисциплинарный устав РККА, вводимый взамен такового же устава, утвержденного ВЦИК'ом 30 января 1919 г. На НКВоенмор возложено к 1 октября представить новый устав на утверждение в законодательном порядке, внося в него необходимые, основанные на опыте его применения исправления.

3. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 сент. («Изв. ЦИК СССР» от 26 сент., № 220) отменена ст. 8 постановления ЦИК и СНК от 14 дек. 1923 г. о льготах и преимуществах служащих военного и морского ведомств, определяемых, назначаемых и переводимых на службу в отдаленные местности, как утратившая силу с введением в действие Кодекса о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ. Указанная статья при отмене действия всего постановления от 14 декабря («С. З.» № 48, ст. 345) была временно сохранена до опубликования нового списка отдаленных местностей.

4. Постановление СНК СССР от 8 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР», № 216 от 22 сент.) «об обращении в специальные средства доходов, поступающих по зданиям, находящимся в ведении учреждений, состоящих на государственном бюджете», устанавливает, что указанные доходы от сдачи этих зданий (кроме зданий эксплуатируемых на началах хозяй-

ственного расчета) в наем или эксплуатации иным способом, поступают в специальные средства, предназначенные для покрытия расходов по содержанию и ремонту этих зданий. По госбюджету никаких кредитов на эти потребности не отпускается, кроме случаев, когда часть здания непосредственно занята самим учреждением: в этой части здания содержится за счет кредитов по госбюджету. Постановление вводится с 1 октября с. г.

5. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 26 сентября, № 220) утверждено «положение о землях, предоставляемых транспорту» с распространением на все эти земли (в том числе отведенные для водного транспорта и шоссе-ных и грунтовых дорог) постановления ЦИК и СНК от 12 ноября 1923 г. «о взимаемых рентах с земель городских и предоставленных транспорту» («С. У.» 1923 г. № 114—115, ст. 1055).

К указанным землям относятся земли, обслуживающие технически-эксплуатационные, коммерчески-эксплуатационные, жилищно-оправительные и хозяйственные нужды всех видов транспорта. Эти земли не входят в состав земель государственных и городских и находятся в непосредственном управлении НКПС. Положение определяет порядок отвода, изъятия, регистрации и инвентаризации указанных земель. Подлежащие органы транспорта могут использовать эти земли как непосредственно, так и путем предоставления участков на договорных началах для подъездных путей, складов грузов, для жилищных и культурных нужд рабочих и служащих транспорта и т. д.

6. Постановлением СНК СССР от 5 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 25 сент., № 219) «о предельных ставках дополнительной ренты с городских земель на 1925—26 бюджетный год» эти ставки установлены для земельных участков незастроенных, а также занятых жилыми помещениями и промышленными заведениями, в зависимости от количества населения города, в размере от 25 коп. до 1 руб. за кв. саж., а для земельных участков, занятых нежилыми торговыми помещениями, также в зависимости от количества населения города, в размере от 1 рубля до 7 руб. за кв. саж. ЭКОСО союзных республик предоставлено право по ходатайству губ. и обл. исполкомов и СНК автономных республик повышать размеры ставок этой ренты.

7. Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 октября с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 22 сент., № 216) «о надбавках в доход местных советов к уравнительному сбору с государственных трестов и синдикатов, акционерных обществ (паевых товариществ), банков, обществ взаимного кредита и союзов кооперативов, а равно к подоходному налогу с государственных и кооперативных предприятий и смешанных обществ», изданное в связи с введением новых правил об обложении этих предприятий уравнительным сбором (см. «Обзор» в № 35 «ЕСЮ», А, п. 4), устанавливает порядок и размеры этих надбавок. Размер надбавки к уравнительному сбору установлен в 100% суммы означенного сбора, к подоходному налогу—25% оклада этого налога. Размер надбавки к уравнительному сбору определяется теми же комиссиями, которые устанавливают основной оклад уравнительного сбора. Указанные предприятия вносят предварительно аванс (в два срока) в размере надбавки предшествующего полугодия, каковой аванс зачитывается при платеже установленной в подлежащем порядке надбавки. Надбавка к подоходному налогу исчисляется правилами об облагаемых предприятиях, и подлежит проверке подоходно-налоговых комиссий вразмере с суммой подоходного налога.

8. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 23 сент., № 217) «о размере акцизного обложения хлебного вина (водки), коньяка и водоч-

ных изделий» вводится, сверх основного акциза, дополнительный акциз с водки крепостью более 40% по Траллесу в размере 2 рублей с ведра, а с остальных изделий—12 руб. с ведра. На ЭСФСР, ДВО и Бурято-Монгольскую АССР это постановление не распространяется.

9. Постановлением СНК от 1 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 25 сент., № 219) «о налоговых льготах для аптек и их объединений» освобождены с 1 октября с. г. от обложения промышленным и подоходным налогом все находящиеся в городах и сельских местностях государственные аптеки и их объединения, как состоящие на государственном и местном бюджете, так и действующие на началах коммерческого расчета.

10. В № 218 «Изв. ЦИК СССР» от 24 сентября опубликовано постановление СНК СССР от 5 сент. с. г. «об отмене вывозных пошлин на каракуль и об отмене ввозных пошлин на каракуль, ввозимый через границы, на которые распространяется таможенный тариф по азиатской торговле.

11. В «Изв. ЦИК СССР» от 30 сент. с. г. № 223 опубликованы постановления СНК СССР от 26 сент.: «о беспошлинном вывозе товаров для нужд пограничного населения Карельской АССР через границу Союза ССР с Финляндией», по особому приложению к постановлению перечню этих товаров, и «о понижении ввозных пошлин на некоторые товары афганского происхождения» (фрукты, орехи, шкуры, кожи, шерсть и др.).

12. Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР», № 217 от 23 сент.) «об изъятиях из общей системы налогового обложения для острова Сахалина» вводит на нем целый ряд налогов с установленными для ДВО изъятиями (государственный, промысловый, гербовый сбор; акцизы и т. д.). Остальные налоги не вводятся до 1 октября 1926 г. Кочевое население освобождено от уплаты всех прямых налогов и сборов.

13. Постановление ЦИК и СНК от 18 сентября с. г. («Изв. ЦИК СССР», № 222 от 29 сент.) «об отмене постановления ВЦИК и СНК РСФСР о дополнительном обложении торговых и промышленных предприятий на проведение мероприятий по борьбе с последствиями голода» («С. У.» 1923 г. № 4, ст. 77) отменяет действие этого постановления с 1 окт. 1925 г.

14. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 23 сент., № 217) «о понижении ставки целевого сбора с хлеба, перевозимого насыпью по железным дорогам», этот сбор понижен с $\frac{3}{4}$ копейки с пуда до $\frac{1}{4}$ копейки с пуда.

15. Постановления СТО от 2 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 25 сент., № 219) «об обязательном окладном страховании в сельских местностях на 1925—1926 г.» и «об обязательном окладном страховании в городах на 1925—1926 г.» вводится обязательное страхование от огня, посе-вов от градобития, крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов от падежа. В приложениях даны списки местностей, где вводится это страхование и размер премий. Для проведения каждого из указанных видов страхования, кроме страхования от огня, требуется постановление подлежащего уездного съезда советов или уездного (или соответствующего ему) исполкома, или горсовета по принадлежности. Сельскому населению, в частности беднейшей его части, семьям красноармейцев и др. даются особые льготы по освобождению, полному и частичному, от платежа страховых взносов. Соответственные льготы установлены и для беднейшей части городского населения и вообще для трудящихся.

16. Постановление СНК СССР от 5 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 23 сент., № 217) «о надзоре за соблюдением этикетных цен на товары», устанавливаемых ИРВу-

торгом СССР, возлагает этот надзор на НКВнуторгин и НКВД союзных и автономных республик. СНК союзных республик предложено издать инструкцию по применению этого постановления, в частности, о привлечении нарушителей обязательных постановлений об этикетных ценах к судебной и административной ответственности с тем, чтобы размер штрафов, налагаемых в административном порядке, не превышал 50 руб.

17. В № 217 «Изв. ЦИК СССР» от 23 сент. с. г. опубликовано утвержденное 1 сент. с. г. СНК СССР «положение о концессионной комиссии при торговом представительстве Союза ССР в Италии», аналогичное по своему содержанию с недавно опубликованными положениями о таких же комиссиях в Великобритании и во Франции (см. «Обзор» в 34 «Е. С. Ю.», А, П).

18. Постановлением СНК СССР от 8 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 30 сент., № 223) «расторгается на ОГПУ постановление СНК СССР от 17 февраля 1925 г. о продаже лошадей, выбракованных для войсковых частей и учреждений РККА («С. З.» 1925 г. № 11, ст. 95).

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Постановлением ВЦИК и СНК от 14 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 27 сент., № 221) утверждена «инструкция по осуществлению защиты правового и имущественного положения красноармейцев и их семей в административном и судебном порядке в соответствии с Кодексом о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ Союза ССР» («Собр. Зак.» 1924 г. № 21, ст. 197—198).

Инструкция вменяет в обязанность всем органам власти уделять особое внимание делам, где затронуты интересы красноармейцев и их семей. Она указывает, что под понятие «красноармейца» подходят лица, по службе в РККА и РККФ принадлежащие к рядовому и начальствующему (командному, административному, политическому, медицинскому и ветеринарному) составу, лица, находящиеся в резерве или оставленные сверх штата, в том числе лица женского пола, по занимаемой должности подходящие под понятие красноармейца. Правом на защиту на указанных в инструкции основаниях пользуются те же лица (и их семьи) по увольнению в запас или бессрочный отпуск в течение года со времени увольнения или времени, необходимого для полного осуществления предоставленной им льготы.

Волисполкомы обязаны охранять права красноармейцев от нарушений их как госорганами, так и частными лицами, в частности при столкновениях, возникающих в составе семей красноармейцев. Волисполкомы должны проявлять в этих делах максимальную активность, подлежит ли дело разрешению в административном или судебном порядке. ВК и должны разрешать или давать направление указанным делам в трехдневный срок. Они должны действовать как непосредственно, так и через своих уполномоченных или через членов коллегии защитников, возбуждать и выступать в дела в порядке ст. 172 ГПК, сообщать прокуратуре просьбы о вступлении в дело и опротестовании решений и приговоров, а также присутствовать при исполнениях решений и разделах имущества. На прокуратуру возложена обязанность расследовать и разбирать жалобы красноармейцев и их семей в первую очередь и наблюдать за работой уполномоченных по рассмотрению красноармейских писем и принимать меры по сообщениям этих уполномоченных о нарушениях или волоките по затрагивающим права и интересы красноармейцев делам.

Должностные лица, не принявшие мер к защите интересов красноармейцев и их семей, подлежат ответственности как за бездействие власти или халатность (ст.ст. 107 и 108 Угол. Код.).

2. В «Изв. ЦИК СССР» от 26 сент. с. г., № 220, опубликовано постановление СНК РСФСР, касающееся государственного бюджета РСФСР на 1925—1926 г. Это постановление, представляемое на утверждение ВЦИК, содержит в себе целый ряд поручений Госплану и НКФ РСФСР по разработке и представлению в СНК ряда мероприятий, имеющих целью дальнейшее укрепление бюджета и построение его в будущем году на основе перспективного плана народного хозяйства на 1926—1927 бюджетный год.

3. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 25 сент., № 219) «о мерах восстановления центральных черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении» касается проведения целого ряда таких мер в отношении Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Пензенской, Рязанской (частично) и Пензенской (частично) губерний. Отличается около 5 милл. рублей по госбюджету и около 20 милл. руб. по кредиту на снабжение крестьянских хозяйств сельско-хозяйственными машинами, землеустройство, мелиоративные работы, улучшение скотоводства, устройство холодильников и боковых заводов, расширение сети агрономических, землеустроительных и ветеринарных участков и т. п. Намечены меры к ликвидации культурной отсталости и к развитию кооперации.

4. Постановление ВЦИК и СНК от 17 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР», № 222 от 29 сент.) «о льготах для лиц, направляемых на работу в отдаленные местности РСФСР государственными учреждениями и предприятиями», вносит некоторые изменения в правила отменяемого им постановления ВЦИК и СНК от 25 июля 1923 г. «о льготах для командированных в отдаленные местности РСФСР» («С. У.» 1923 г., № 69, ст. 673).

Прежде всего, уже из самого заголовка постановления от 17 авг. видно, что действие его распространяется лишь на командированных государственными учреждениями и предприятиями. Помимо того, оно не распространяется: а) на случай массовых вербовок и перебросок рабочей силы, с тем, что порядок компенсации трудящихся в этих случаях регулируется особым постановлением НКТруда, б) на индивидуальные командировки, если расстояние места отправления от места назначения менее 250 верст. Основные льготы, предоставляемые всем командированным в отдаленные местности и специальные льготы для командированных на должности по особому списку, устанавливаемому НКТ, НКРКИ, НКФ и ВЦСПС (ранее список был дан в приложении к постановлению ВЦИК и СНК), остались без больших изменений. Пересмотрен список отдаленных местностей, при чем сделана оговорка, что для работников НКПС разрабатывается и утверждается особо по соглашению НКПС СССР, НКФ и НКТ РСФСР и ВЦСПС специальный список.

Лицо, командированное в отдаленную местность и оставшее службу ранее срока найма или при неопределенном сроке найма ранее двух лет, обязано возместить учреждению, в которое оно командировано расходы учреждения в размере 3-х месячной тарифной ставки по последнему расчетному месяцу. Ранее этот срок исчислялся в один год.

5. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 29 сент., № 222) «о передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» устанавливает, что те из указанных учреждений, научно-исследова-

тельская, собирательская и просветительная работа которых протекает преимущественно в местном масштабе, передаются в ведение местных исполкомов (с содержанием на местном бюджете) с тем, что общее руководство работой остается за НКПросом в лице Главнауки.

Список учреждений, передаваемых местным исполкомам, а равно список усадеб, монастырей и т. п., подлежащих ликвидации в качестве самостоятельных учреждений историко-художественного значения, должен быть согласован НКПросом с подлежащими исполкомами.

6. Постановлением СНК РСФСР от 22 сент. с. г. («Изв.

ЦИК СССР» от 24 сент., № 222) «о распространении порядка выселения граждан из помещений в гостиницах, сдаваемых посуточно, на сезонных и временных рабочих» предоставляет право работодателям выселять указанных рабочих по окончании работы, на которую они были наняты, в административном порядке без соблюдения сроков, установленных п. «з» ст. 171 Гр. Код., и требований инструкции ВЦИК и СНК от 9 января 1924 г. о выселении граждан из занимаемых помещений («С. У.» № 8, ст. 45).

Сер. Аск-ов.

Из деятельности Верх. Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 31139—1925 г.

В середине 1917 г. гр. Тимм, б. приказчик оптического магазина, въехал в квартиру гр-ки Егоровой и вскоре между ними установились супружеские отношения, официально не зарегистрированные. В 1921 г. гр. Тимм вместе с гр. Бахштремом открыли оптический магазин, при чем Егорова для приобретения оборудования магазина продала и обменяла имевшиеся у нее золотые вещи, а также платье и белье. Летом 1923 года гр. Бахштрем вышел из дела и ему была выдана некоторая доля имущества. Осенью того же года супруги разошлись. В сентябре 1924 г. гр-ка Егорова обратилась в Ленинградский губсуд с иском заявлением, в котором объяснила, что она принимала деятельное участие в устройстве магазина с самого открытия торговли и вела домашнее хозяйство Тимма. Последний, оставив ее осенью 1923 года, воспользовался тем, что магазин куплен на его имя, и отказывается выдать принадлежащую истце часть. В виду изложенного истица просила суд присудить стоимость половины магазина, каковую определила в 3.000 р., с правом увеличения этой суммы в зависимости от хода дела.

В судебном заседании от 29 августа 1924 года губсуд нашел установленным, что оптический магазин был открыт благодаря общим усилиям и средствам супругов и что стоимость его первоначального оборудования равнялась 13.000 рублей золотом. Учитывая то обстоятельство, что истица в дальнейшем не принимала активного участия в предприятии, губсуд, руководствуясь ст. ст. 61, 276, 277, 279 и 65 ГК, определил взыскать с гр. Тимма в пользу истицы половину стоимости первоначального оборудования магазина, т.-е. 6.500 рублей золотом.

Это решение было обжаловано поверенным ответчика в Верховный Суд. Кассатор указывает, что в силу ст. 136 Г. К. стороны лишаются права ссылаться на свидетельские показания в подтверждение сделки на сумму свыше 500 рублей, если она не совершена в письменной форме, между тем, решение суда основано исключительно на свидетельских показаниях. Суд мог присудить Егоровой алименты, однако, установление полной общности имущества супругов противоречит ст. 105 Кодекса законов об актах гражданского состояния.

Верховный Суд вынес по настоящему делу следующее определение:

«Именем РСФСР, 1925 года, мая 7 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в соста-

ве: председателя С. В. Александровского, членов: Н. М. Иванова и А. А. Крамер-Агеева, в открытом судебном заседании слушал дело по иску К. Г. Егоровой к гр. К. К. Тимм о взыскании 3.000 руб. за половину магазина, по кассжалобе гр. К. К. Тимм на решение Ленинградского губсуда от 29 января 1925 года, коим определено:

«Признать за гр. Егоровой, Ксенией Георгиевной, право на часть товара, находящегося в оптическом магазине гр. Тимм, Карла Карловича, по Проспекту 25 Октября, № 10, на сумму шесть тысяч пятьсот рублей, каковую сумму взыскать с гр. Тимм, К. К., в пользу Егоровой, К. Г.

Иждержки производства, на основании ст. 46 ГПК с примечанием в сумме семьсот рублей возложить на ответчика в пользу истицы, взыскать с гр. Егоровой, К. Г., судебные пошлины и прочие по делу сборы с присужденной суммы».

Принимая во внимание, что ссылка кассатора на признание судом в нарушение 136 ст. ГК на основании свидетельских показаний наличности между супругами Егоровой и Тимм товарищеского договора на сумму свыше 500 рублей золотом несостоятельна, так как суд на основании показаний свидетелей пришел к выводу, что названные лица совокупными материальными затратами открыли торговое дело, вследствие чего для истицы возникло право требовать выдела, в подкрепление какового вывода в решении суда имеется ссылка на 65 ст. ГК; 2) что при таких условиях нет нарушения ст. 105 зак. об актах гражданского состояния, да и эта статья закона не имеет отношения к делу; 3) что суд в решении учел то обстоятельство, что истица в дальнейшем не принимала активного участия в развитии торгового предприятия, и, исходя из проявления сторонами трудового начала в развитии общего хозяйства, имел бы основание присудить истице гораздо большую сумму, чем та, которую он присудил,—ГКК о предлежит: кассационную жалобу Карла Тимм оставить без последствий.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 3582—1925 г.

Вследствие предложения прокурора Рязанской губ. отдел коммунального хозяйства Рязанского ГИК обратился в июле 1924 года в Рязанский губсуд с иском заявлением следующего содержания: после Александры Козловской, умершей 22 августа 1821 г., остался дом на Введенской площади в г. Рязани под № 216. Имущество это, за отсут-

ствем у Козловской родственников, предусмотренных ст.ст. 2 и 9 декрета об отмене наследования, являлось выморочным и подлежало передаче государству. Между тем, Ирина Хорват, вдова племянника Козловской Михаила Козловского, умершего в июле 1921 г., т.-е. ранее Александры Козловской, была признана фактической владелицей этого дома на основании постановления нарсуда I района г. Рязани от 8 февраля 1922 года, вынесенного в беспорядном порядке. 21 того же февраля гр. Хорват (по второму мужу Ершовой), продала этот дом по нотариальной сделке рабочему Кулешову за тридцать миллионов рублей к.з.н. 21 г., указав в нотариальном столе, что дом был куплен ею у гр-ки Козловской, по что купчая утеряна. При проверке же прав на строения лиц, признанных фактическими владельцами, гр-ка Хорват объяснила, что дом получен ею в наследство от мужа, который получил его в наследство после смерти Козловской. Истец просил суд признать спорный дом выморочным и подлежащим передаче государству, изъять его из владения Кулешова, а также признать заключенную между сторонами нотариальную сделку недействительной по ст. 30 Г. К. с последствиями по ст. 147 Г. К.

В заседании от 12 января 1925 г. представитель ГУБКО просил определить последствия сделки по ст.ст. 60, 117 и 193 Г. К. Губсуд нашел, что: 1) гр-ка Хорват, которая была женой племянника собственности дома Козловской, никаких прав на получение этого имущества на основании декрета об отмене наследования не имела и поэтому не могла также и перепести это право на другое лицо, гр. Кулешова. Сделка эта, как направленная к явному ущербу для государства, должна быть признана недействительной по ст. 30 Г. К. с последствиями по ст. 147; 2) гр. Кулешов, как добросовестный приобретатель, имеет право на возмещение понесенных им убытков в силу ст. 193 Г. К.; 3) спорный дом на основании ст. 60 и 183 Г. К. подлежит возврату действительному собственнику, отделу коммунального хозяйства. По изложенным соображениям, губсуд, удовлетворив иск коммунального хозяйства полностью, предоставил гр. Кулешову право иска к гр. Хорват о возврате уплаченных им за дом денег. Это решение было обжаловано гр. Кулешовыми в Верховный Суд. Кассатор указывает, что: 1) суд, признав сделку недействительной по ст. 30 Г. К., должен был войти в обсуждение вопроса об оставлении дома за кассатором, как за фактическим трудовым владельцем; 2) судом не обсужден вопрос об истечении давностного срока на предъявление иска со стороны отд. коммунального хозяйства, что составляет нарушение ст. 44 Г. К.

Гр. кассколлегии Верхсуда вынесла по настоящему делу следующее определение:

Именем РСФСР 1925 года, мая 7 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. В. Александровского, членов: А. А. Крамер-Агеева, Н. М. Иванова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску откомхоза Рязгубисполкома к гр. Кулешову, А. С., и гр. Ершовой, И. П., о доме, по кассационной жалобе гр. Кулешова, А. С., на решение Рязанского губсуда от 12-го января 1925 года, коим определено: Домовладение № 216 по Введенской площади в г. Рязани, принадлежавшее умершей Козловской признать выморочным и передать в ведение Рязанского губкоммуналдела; нотариальную сделку купли-продажи дома между Хорват (Ершовой) и Кулешовым от 21 февраля 1922 года признать недействительной; предоставить право Кулешову иска с Хорват (Ершовой) суммы, уплаченной при покупке дома, 30.000.000 р. дензнаками обр. 21 года. Взыскать с ответчиков в равных долях судебной пошлины с цены иска 3%—83 р. 04 к.—

100% надбавки 3%—83 р. 04 к., но, принимая во внимание, что ответчик Кулешов принадлежит к категории служащих и живет исключительно на получаемое содержание, суд находит возможным в силу ст. 43 ГПК освободить его от уплаты причитающейся доли судебных расходов, которую принять на счет государства, остальную же пошлину взыскать с ответчика Хорват (Ершовой).

Принимая во внимание: 1) что истец, коммунальный отдел, выступив в процессе в качестве собственника и отказавшись от первоначального обоснования своего иска 30 ст. Г. К. Кодекса, настаивал на удовлетворении иска в силу 60 ст. Г. К.; 2) что губсуд удовлетворил иск на основании указанной 60 ст., так как по делу установлено, что после смерти Александры Козловской, последовавшей в 1921 году, спорное домовладение, как выморочное, являлось собственностью коммунального отдела, и хотя ответчик Кулешов является тем добросовестным приобретателем имущества от ответчицы Ершовой, который предусмотрен примечанием к 60 ст. Г. К., но в силу той же 60 ст. государственное учреждение может истребовать от всякого приобретателя принадлежащее ему имущество, незаконно отчужденное каким бы то ни было способом, Ершова же до продажи имущества Кулешову, не имея никаких прав на это имущество, ввела в заблуждение нотариат относительно принадлежащих ей будто бы прав, вследствие чего сделка между ней и Кулешовым и состоялась; 3) что по настоящему делу выводы суда не противоречат 60 ст. Г. К.; 4) что, вопреки мнению кассатора, суд, с одной стороны, правильно оставил без обсуждения вопрос об установившемся трудовом владении Кулешова, каковой вопрос подлежал обсуждению суда в том случае, если бы суд признал сделку недействительной по 30 ст. Г. К. и в таком случае должен был решить вопрос о наличии неосновательного обогащения Кулешова по 147 ст. того же Кодекса, а с другой стороны, суд в решении своем в интересах трудящегося, указал на право Кулешова отыскивать с Ершовой, согласно 193 ст. Г. К., выданную за купленное имущество сумму; 5) что ссылка кассатора на пропуск исковой давности неосновательна, так как давность на иски собственника государства, основанные на 60 ст. Г. К., не может быть распространена.—Г. К. К. определяет: кассационную жалобу Кулешова оставить без последствий.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 3628—1925 г.

Согласно постановления СТО от 16 мая 1923 г. в распоряжение Татнаркомпрода на время преддоговой кампании 1923—24 г. перешло складочное помещение площадью в 320 кв. саж., состоящее при ст. Свияжск в полосе отчуждения железной дороги. Актом от 13 января 1924 года, составленным при участии агента ТОГПУ, установлено, что часть склада, 100 кв. саж., с 15 декабря 1923 года занята прессованным сеном, принадлежащим Свияжскому отделению Центросоюза.

Считая, что право безвозмездного пользования складочными помещениями, изъятными из ведения НКПС постановлением СТО от 16 мая 1923 г., принадлежит только органам НКПрода и Наркомфина, правление Московско-Казанской жел. дороги предъявило к Центросоюзу иск об уплате арендной платы за пользование складом из расчета 2 р. 50 к. за кв. саж. согласно приказа НКПС № 1374, за время с 15 декабря 1923 года по 17 апреля 1924 года, всего в сумме 3.200 рублей.

На судебном заседании ответчик иска не признал и просил выдать ему свидетельство для получения справок о том, что спорный склад сдан в аренду Центросоюзу Нарком-

продом по договору от 5 февраля 1924 года, и допросить свидетелей в подтверждение того, что Татнаркомпрод еще в феврале 1924 года производил в складе продналоговые операции. Суд ходатайство ответчика не удовлетворил.

Признав, что склад при ст. Свияжск передан в распоряжение Татнаркомпрода для хранения продналоговых продуктов, что Центросоюз не имел права пользоваться складом и обязан внести арендную плату за время занятия его, что согласно приказа НКПС № 1374 плата за пользование складом в течение 4 мес. подлежит взысканию в сумме 3.200 р., и руководствуясь 171 и 399 ст.ст. ГК, Московский губсуд, решением от 22 декабря 1924 года удовлетворил иск Московско-Казанской ж. д. полностью.

Решение Московского губсуда обжаловано правлением Центросоюза за нарушением судом постановл. СТО от 16 мая 1923 года и дополнительного к нему постановления от 19 октября 1923 года, согласно коих склады, изъятые из ведения НКПС на время продналоговой кампании, передаются в полное распоряжение органов НКПрода, и органы НКПС до возврата им складов не вправе взимать арендной платы за пользование ими.

Далее кассатор указывает, что суд, отказав ему в ходатайстве о выдаче свидетельства и о допросе свидетелей, лишил его возможности доказать ряд существенных для дела обстоятельств, а именно, что спорный склад занят Центросоюзом по договору с Наркомпродом и что занятие склада не препятствовало Наркомпроду продолжать в складе свои продовольственные операции.

По этому делу Верховный Суд вынес следующее определение:

«Именем РСФСР, 1925 года, мая 7 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. В. Александровского, членов: А. А. Крамер-Агесва, Н. М. Иванова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску правления Московско-Казанской ж. д. к Центросоюзу о взыскании 3.200 руб. арендной

платы, по кассжалобе Центросоюза на решение Московского губсуда от 22 декабря 1924 года, коим определено:

«взыскать с Центросоюза в пользу правления Московско-Казанской ж. д. три тысячи двести рублей (3.200 руб.) с начислением 6% годовых с 14 сентября 1924 года по день платежа; судебных и за ведение дела издержек—2% с присужденной суммы».

Рассмотрев настоящее дело, ГКК находит, что губсудом вынесено решение с нарушением 176 ст. ГК, а именно: имеется лишь ссылка на 171 и 399 ст.ст. ГК, каковая ссылка сама по себе за совершенным отсутствием мотивировки и совершенным оставлением без оценки представленных ответчиком документов не дает возможности кассационной инстанции проверить правильность выводов суда и применения указанных статей закона. Независимо от этого судом допущено и нарушение 5 ст. ГК, так как суд отказал ответчику, Центросоюзу, в допросе свидетелей и выдаче удостоверения на получение справки о том, что пользование складом № 2 было предоставлено ответчикам Татнаркомпродом, а между тем, от проверки этих доказательств зависело правильное разрешение не только вопроса о размере иска в связи с размером действительно использованной ответчиком площади, но и основного вопроса о праве истца на иск, так как, не говоря уже о том, что, согласно постановления СТО от 16-го июня 1923 года, означенные в п. 2 этого постановления помещения подлежали передаче в полное распоряжение Наркомпрода, указанные ответчиком свидетели, как видно из содержания сделанной ответчиком на них ссылки, должны были установить весьма существенное обстоятельство, заключающееся в том, что одновременно с передачей помещения Центросоюзу Наркомпрод продолжал в этом помещении производить свои операции.

А потому ГКК определяет: решение Московского губсуда от 22 декабря 1924 года отменить и дело для нового рассмотрения в ином составе передать в тот же губсуд.

== Х Р О Н И К А. ==

ПРАВИЛА ОТПУСКА ЛЕСА С РАССРОЧКОЙ ПЛАТЕЖА СЕЛЬСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ.

НКЗем установил правила отпуска леса с рассрочкой платежа трудовому населению, проживающему в сельских местностях (пр. № 85 от 13/V—25 г.).

Рассрочка платежа допускается при отпуске леса сельскому населению в порядке ст.ст. 23, лит. «а», и 24 Лесного Кодекса и при мелкоделачной продаже леса с соревнованием. Рассрочка устанавливается на сроки не более одного года. Различается рассрочка нормальная и льготная. При нормальной платежке острочиваются не далее начала вывозки отпущенного леса, при льготной — лесополучатель имеет право заготовки, вывозки и использования древесины до полной ее оплаты. Первая предоставляется лесничим, вторая — постановлениями воллескомиссий.

Нормальная рассрочка предоставляется лесничим только в случаях коллективного приобретения леса (группой граждан, обществом, артелью), при чем при отпусках леса в порядке ст. 24 Лесного Кодекса — по постановлению волостных лесных комиссий.

При нормальной рассрочке уплачивается при взятии лесорубочного билета 10% стоимости леса, и лесополуча-

тель допускается к рубке, заготовке и разделке без права вывозки. Остальные 90% рассрочиваются лесничим по соглашению с лесополучателем с таким расчетом, чтобы вся сумма стоимости леса была уплачена до начала вывозки.

При нормальных рассрочках не требуется представления особых письменных обязательств.

Льготная рассрочка допускается только при покупках трудовым населением поделочного и строевого леса в пределах части назначенных с этой целью лесосек. При отпуске леса в порядке ст. 24 Лесного Кодекса льготная рассрочка допускается в случаях, когда скидка с таксы не превышает 25%.

Правом на получение леса на условиях льготной рассрочки платежа пользуются приобретающие лес для собственных нужд колхозы, коммуны, артели, первичные сельско-хозяйственные товарищества и отдельные крестьянские хозяйства, приобретающие лес для нужд своего промысла первичные кустарно-промысловые, деревообрабатывающие артели и отдельные кустари по обработке и переработке древесины.

Лесополучатели подают в волостные лесные комиссии заявления о предоставлении им льготной рассрочки платежа.

В зависимости от имущественного положения просителей и степени нуждаемости в льготе, а равно в соответствии с размером части лесосек, назначенных для отпуска на условиях льготной рассрочки платежа, при наличии уверенности, что проситель внесет в предоставленные для него сроки причитающиеся за лес платежи, комиссия выносит решения о предоставлении льгот и устанавливает предельный срок отсрочки платежа, но не более года со дня получения лесорубочного билета.

Очередность удовлетворения заявлений устанавливается комиссией согласно общим указаний губземуправления. В первую очередь льготная рассрочка предоставляется временно-ослабленным хозяйствам, нуждающимся в поддержке.

При льготной рассрочке уплачивается при взятии лесорубочного билета 10% стоимости леса и лесополучатель допускается к рубке, заготовке и разделке с правом вывозки и использования заготовленной древесины. Остальные 90% расрочиваются лесничим по соглашению с лесополучателем с таким расчетом, чтобы вся плата за лес была внесена полностью, не выходя из предельного срока, предоставленного комиссией.

При отпусках леса на условиях льготной рассрочки платежа лесополучатель представляет лесничему заверенное волисполкомом письменное обязательство, на котором лесничий вписывает согласованные с лесополучателем сроки и суммы причитающихся платежей. Форма этих обязательств устанавливается лесотделом.

При неисполнении лесополучателем своего обязательства взыскание неуплаченных сумм производится в обще-судебном порядке.

МЕРЫ К УСТРАНЕНИЮ НЕЗАКОННЫХ ОБЛОЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ.

В целях изжития незаконных обложений населения НКВД предложил (№ 307 от 5/VI—25 г.) местным административным отделам прекратить и впредь не допускать участия административных органов во взимании устанавливаемых местными органами власти налогов и сборов, не предусмотренных гл. 2-й временного положения о местных финансах или не введенных в порядке ст. 7-й упомянутого положения («С. З.» 1924 г. № 22, ст. 199); войти с представлением в исполнительный комитет об оповещении населения как городского, так и сельского о том, что производство добровольных сборов и пожертвований может происходить только в порядке, определенном постановлением ЦИК и СНК СССР («С. З.» 1924 г. № 8, ст. 81), и что нарушающие эти правила будут привлекаться к судебной ответственности: должностные лица—по ст. 106 Уголовного Кодекса, а частные—по ст. 91 Уголовного Кодекса.

ПОРЯДОК СДАЧИ ШТРАФНЫХ СУММ И ПЕНИ ПО КОНТРАБАНДНЫМ ДЕЛАМ.

НКВД подтвердил местным административным отделам (ц. № 331 от 15/VI—25 г.) необходимость для органов милиции сдавать взыскиваемые в виде штрафов и пени по контрабандным делам суммы исключительно в соответствующие таможенные учреждения.

ПРАВИЛА СДАЧИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПОД ЗАСТРОЙКУ.

Порядок сдачи земельных участков под застройку регулируется инструкцией Гл. Упр. коммунального хозяйства (№ 256 от 11/V—25 г.).

Согласно инструкции отделы местного (коммунального) хозяйства не должны обуславливать предоставления земельных участков под застройку требованием сдачи в коммунальный фонд части возведенной или восстановленной жилой или нежилой площади. Застройщик или его правопреемник имеет право пользования и распоряжении всей возведенной им площадью.

Лишь в виде компенсации за особые льготные условия, предоставленные коммунальным отделом застройщику, может быть установлена в договоре о праве застройки или в особом соглашении обязанность застройщика сдать в коммунальный фонд часть жилой площади установленного размера. Размер сдаваемой в коммунальный фонд площади не должен превышать 20% всей возведенной или восстановленной площади.

Вместо сдачи части площади в коммунальный фонд отдел может обусловить заселение застройщиком этой площади по своему усмотрению рабочими и служащими низкооплачиваемых категорий (до 12 разряда), с оплатой помещений по установленным квартирным ставкам.

При сдаче на праве застройки земельных участков, отдел местного (коммунального) хозяйства устанавливает арендную плату за участки без строений на них в размере основной и дополнительной ренты с освобождением от оплаты участков, занятых жилищем в течение трех лет со дня возведения строений.

Коммуноотделам рекомендовано не отягощать застройщиков платежами. Арендная плата должна взиматься ежегодными взносами, отнюдь не выливаясь в капитализированную арендную плату.

В домах, возведенных или восстановленных на праве застройки, нормы квартирной платы не применяются, и плата за помещение в этих домах, как жилых, так и нежилых, устанавливается по договорному соглашению с мещика и наймодателя.

Застройщик и его правопреемники имеют право пользования и эксплуатации жилых помещений в домах, возведенных или восстановленных на праве застройки, без ограничения установленными нормами жилой площади.

РЕНТА С ЗЕМЕЛЬ, СДАВАЕМЫХ ПОД ЗАСТРОЙКУ И НАХОДЯЩИХСЯ ПОД МУНИЦИПАЛИЗИРОВАННЫМ ИМУЩЕСТВОМ.

По разъяснению Госналога НКФ СССР, участки, сданные по договорам застройки для возведения жилых строений, освобождаются от взимания ренты в течение первых трех лет со дня возведения таких строений. Но это изъятие распространяется лишь на те земельные участки, которые сданы под застройку по договорам, заключенным в порядке, указанном в Гражданском Кодексе. Земельные же участки, сданные под застройку на основании простых арендных договоров, подлежат обложению рентой на общих основаниях.

Согласно ст. 158 (прим.) и ст. 161 Гражданского Кодекса обязанность производства капитального и текущего ремонта муниципализированных имуществ лежит на на-имателе независимо от взноса договорной арендной платы.

Поэтому муниципализированное имущество, сданное в аренду по договору с условием производства в течение первых нескольких лет определенного ремонта без какой-либо другой за это время компенсации коммунального хозяйства, приравнивается в отношении взимания ренты в течение этих лет к имуществу местных советов, предоставленному в бесплатное пользование, и рента за землю под такого рода имуществами уплачивается пользователем в виде особых плат.

В последующее время, когда наступает срок взимания арендной платы, рента взимается не в виде особых плат, а в составе уплачиваемой арендатором арендной платы.

ПОРЯДОК ПРИОБРЕТЕНИЯ ТРЕСТАМИ АКЦИЙ И ПАЕВ.

Согласно декрета о трестах от 10/IV—23 г. тресты обязаны испрашивать разрешения на приобретение паев и акций. В виду этого ВСНХ РСФСР предложил всем трестам (приказ № 435 от 17/VI—25 г.), выступающим в качестве учредителей, строго соблюдать требования декрета и предварительно испрашивать соответствующие разрешения, подлежащие копии коих должны быть прикладываться к проектам уставов во избежание задержки их прохождения.

ОПЛАТА АКЦИЙ ВЕКСЕЛЯМИ.

НКВнуторг разъяснил, что учредители и правление акц. о-в вправе принимать векселя в оплату акций, так как хотя ст.ст. 329 и 330 Г. К., предусматривающие порядок оплаты акций, говорят только о деньгах и имуществе, однако, это обстоятельство не устраняет векселя как средство оплаты. При приеме векселей в оплату акций в каждом конкретном случае должны быть с особой тщательностью обсуждены вопросы о реальной их ценности в зависимости от их сроков, коммерческой солидности учреждения и лиц, коих подписи имеются на векселях, и т. д. Недопустима оплата акций соло-векселями учреждения или лица, подписавшегося на акции, так как самая подписка на акции является обязательством подписчика оплатить акции, и выдача подписчиком соло-векселя представляла бы замену одного обязательства другим. Все вышеуказанное относится также и к тем обществам, в уставах коих прямо предусмотрена возможность оплаты акций векселями.

ПРОДАЖА ЧЕРЕЗ КОМИТЕТЫ ТОВАРНЫХ БИРЖ ОПИСАННОГО ИМУЩЕСТВА НЕДОИМЩИКОВ.

НКФ РСФСР установлен порядок производства продажи через комитеты товарных бирж описанного имущества недоимщиков по государственным и местным налогам (инструкция № 1297 от 7/VIII—25 г.).

Финорган сообщает биржевому комитету о назначении имущества в продажу, прилагая список подлежащих продаже товаров и сведения о недоимках. При продаже товара маклер, коему это поручено комитетом, в двухнедельный срок совершает сделки по ценам не ниже установленных на данный товар котировальной комиссией. При невозможности продать в этот срок комитет уведомляет финорган, который назначает продажу товаров с публичных торгов

в общем порядке. Сдача товаров и учинение всех расчетов производятся финорганами непосредственно с приобретателем товара. Сделки считаются биржевыми и подлежат оплате установленными с биржевых сделок налогами и сборами.

Инструкция перечисляет те группы товаров, которые подлежат продаже через товарные биржи, возлагая установление подробного списка по соглашению местных губ. или обл. органов НКФ, НКВнуторга и соответствующих биржевых комитетов с опубликованием этих списков во всеобщее сведение в местных официальных изданиях.

РАЗ'ЯСНЕНИЯ ПО ГЕРБОВОМУ СБОРУ.

НКФин разъяснил, что заявления о прекращении дела и об отказе от иска (по не заявления о состоявшихся мировых соглашениях) от гербового сбора свободны независимо от того, в какой стадии судебного процесса они подаются, так как эти заявления не представляют просьбы об оказании услуги обращающемуся со стороны органов гос. власти, а, наоборот, свидетельствуют об отказе от этой услуги.

В отношении оплаты гербовым сбором акций или паев дополнительных выпусков, разрешенных до издания закона 8 января 1925 г. об оплате сбором акций, паев и облигаций, НКФин разъяснил, что до получения разъяснения законодательных учреждений о сроке, в течение которого такие акции или паи подлежат оплате, следует воздержаться от принятия принудительных мер взыскания гербового сбора по тем акциям дополнительных выпусков, со времени распределения которых не истекло еще месячного срока.

РАЗ'ЯСНЕНИЯ ПО СЕЛЬХОЗНАЛОГУ.

НКФин сделал следующие разъяснения по сельхозналогу: Промышленные сады и огороды, принадлежащие различного рода учреждениям, подлежат обложению сельхозналогом, если они не попадают под действие § 64 инструкции от 6 июля с. г. Обложение таких садов и огородов производится порядком, установленным постановлением СНК РСФСР от 12 июня.

В тех случаях, когда вследствие стихийного бедствия с плательщика сельхозналог сложен, уплата недоимки по налогам прошлых лет может быть отсрочена по усмотрению уездной налоговой комиссии.

В тех случаях, когда в постановлениях волостных налоговых комиссий имеются нарушения действующего законодательства, финорганам предоставляется право в порядке надзора приостанавливать решения этих комиссий впредь до пересмотра таких постановлений уездной или соответствующей ей налоговой комиссией.

Трестированные совхозы могут быть освобождены от сельхозналога только в том случае, если они включены в списки, устанавливаемые НКЗ по соглашению с НКФ РСФСР и утверждаемые СНК СССР.

НА МЕСТАХ.

ШЕСТОЙ ГУБЕРНСКИЙ С'ЕЗД РАБОТНИКОВ ЮСТИЦИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

С'езд работников юстиции Сталинградской губернии (20—25 июля с. г.) прошел под лозунгом упрочения революционной законности. Работники мест припели с собой опыт правового строительства и на с'езде подвергли его обстоятельному обсуждению.

В свете общих задач, поставленных внутренней и международной обстановкой, под непосредственным влиянием решений 14 Партиконференции и С'ездов Советов, судебные работники подводили итоги своей работе и планировали ее на будущее.

Повестка дня работ с'езда была составлена таким образом, что она не только обнимала важнейшие стороны судебного-следственной и прокурорской работы, но и благодаря докладам с мест, заслушанным с'ездом с огульным вниманием и интересом, дала возможность учесть с исчерпывающей полнотой местную обстановку и, в частности, состояние деревни.

По докладу представителя НКЮ т. Мокеева, с'езд наметил конкретную программу действий по упрочению законности.

По докладам губсуда, носившим инструктирующий характер, учтены все пробелы и намечен план работы на будущее.

На ряду с пленарными заседаниями, с'езд работал и в секциях; здесь детально прорабатывались важнейшие вопросы практики, учитывался план прошлой работы с ее некоторыми большими сторонами.

Весьма живой интерес вызвали доклады с мест уполномоченных губсуда и пом. прокурора.

Здесь преломилась вся обстановка деревни с ее в большинстве случаев теневыми сторонами.

Вывод из докладов с мест: нужна опростная упорная работа, нужна и неизбежна порой борьба за внедрение революционной законности на селе.

Большинство участников с'езда проявили себя на с'езде весьма активно; видно было, что ответственные задачи, стоящие перед работниками юстиции, твердо усвоены и сталинградскими судебными работниками.

Следует отметить, что исполкомы губернии отнеслись к с'езду весьма внимательно: так, один из них поручили уполномоченным губсуда представительство на с'езде, другие же командировали своих представителей.

Весьма деятельное участие в работах с'езда приняла и коллегия защитников: заслушанный с'ездом доклад о работе коллегии защитников показал значительную ее работу и в части оказания юридической помощи населению и в части правовой пропаганды и проч.

Надо думать, что т.т. предгубсуда и губпрокурор и в этом направлении еще усилят работу коллегии защитников и используют, таким образом, ее силы до конца.

Пять дней с'езд работал напряженно. Все резолюции с'езда, доклады и выступления с мест т. т. говорят за то, что

дело упрочения революционной законности будет доведено до конца и в Сталинградской губернии.

М.

СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ ЮСТИЦИИ ШАХТИНСКОГО ОКРУГА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ.

В июле 1925 года состоялось совещание работников юстиции Шахтинского округа.

Первым был заслушан доклад представителя ОГРОМА РКП (б).

Далее с большим вниманием и интересом совещание отнеслось к обсуждению вопроса о революционной законности, к докладу уполкрайсуда и докладам с мест: судей, следователей и судисполнителей.

В результате прений выступавших товарищей констатированы в работе положительные и отрицательные стороны, а именно: уполномоченный краевого суда, указав нам, что в некоторых районах, главным образом, в обслуживающих территорию бывшего Морозовского округа и района, присоединенного от Донецкого округа, работу можно считать налаженной, в остальных же участках, в особенности 1-ом, наблюдается значительная загрузка делами.

Докладами же судей и судисполнителей с мест выяснена небезопасность судов, следователей и судисполнителей средствами на канцелярские принадлежности, почтовые расходы, выписку руководящей литературы, выплату народным заседателям, свидетелям, экспертам и организацию выездных сессий, а также то, что на работе этих органов и в особенности судисполнителей значительно отразилось сокращение штатов и сокращение сметных расходов.

Преимуществом в работе, по мнению всех присутствующих с мест, является прежде всего материальная обеспеченность. На совещании установлена недостаточная связь работы судработников с работниками РИК'ов, а также слабое руководство окружного центра юстиции местами до районирования.

За последние 2—3 месяца с момента районирования и смены работников окрцентра юстиции наблюдается резкий поворот: усилено руководство работой суд. органов, увеличались выезды судов на село, в рабочие центры, рудники и т. п., а также показательные процессы. Как мера внедрения революционной законности, практикуются в некоторых районах собеседования судработников с населением во время выездов и совещания с органами дознания.

В заключение был заслушан доклад президиума коллегии защитников. Во время прений указывалось на замкнутость коллегии, на недостаточную ее связь с массой, отсутствие руководства со стороны президиума членами коллегии защитников на местах.

По всем вопросам совещанием вынесены резолюции, поставившие перед судорганами следующие задачи: разгрузку судов, увеличение выездов на места, поднятие знаний судработников. Поручено, кроме того, уполномоченному крайсуда добиться материального улучшения судорганов.

Н. Дейнекин.

БИБЛИОГРАФИЯ.

И. И. Еднерал и А. Н. Елоховский. Практическое руководство по общему судебному и нотариальному делопроизводству, счетоводству и отчетности народных судов. Из-во НКЮ. М. 1925 г. in 4°. 320 + IV стр. Ц. 2 р. 50 к.

Перед нами лежит недавно вышедшая из печати книжка Юрид. Из-ва НКЮ, составленная двумя ответственными работниками, ревизорами НКЮ Еднералом и Елоховским, представляющая собою ценный вклад, на ряду с «Техникой гражданского процесса» Рындзюнского, в нашу справочную литературу по вопросам техники судопроизводства народных судов. Эта книжка, небольшая по объему, немалого дорогая по цене, но весьма ценна своими приложениями, образцами делопроизводства, наиболее употребительными в практике шарсудов, своими практическими замечаниями. Целью составления рецензируемой книжки авторы ставили себе—дать практическое руководство для народного судьи. Книга представляет из себя попытку установить «общие принципы канцелярской работы шарсудов, указать отдельные моменты этой работы в соответствии с судебной деятельностью народного судьи, образцы канцелярского делопроизводства и узаконения, необходимые в повседневной жизни канцелярии».

Авторы полагают, что хорошо налаженный канцелярский аппарат является одним из самых важных условий судебной работы, так как шарсудья, не будучи поставлен в необходимость посвящать много времени работе своей канцелярии, может спокойно отдаться чисто судебной деятельности.

Для шарсудьи до выпуска «Техники гражданского процесса» Рындзюнского и рецензируемого руководства Еднерала и Елоховского не было ни одного справочного пособия с формами бумаг, употребительных в практике судьи, и с указанием, как эти бумаги составляются и в каком порядке они исполняются. Между тем, потребность в таком руководстве была очень велика. Немедленно после утвер-

ждения в должности, с первых шагов своей судебной работы начинающий судья должен как вступить в переписку по службе с губернским судом, уездным уполномоченным, органами дознания и следствия, так равно и способствовать своевременной и точной работе по подготовке дел к слушанию и т. д., тогда как у него нет знаний о том, какие существуют правила общего канцелярского делопроизводства, каковы основы техники гражданского и уголовного процесса, нет знаний порядка и системы отчетности о работе шарсуда. Часто шарсудья затрудняется написать такую простую бумагу, как ассигновку на депозитные суммы; составить же правильно, с соблюдением процессуальных норм, судебный протокол, приговор или решение для него является трудностью непосильною.

И не только новичок-судья нуждается в таком справочном руководстве, но в одинаковой степени нуждается и судья, имеющий достаточный опыт и практику в шарсуде.

Цель книги Еднерала и Елоховского—дать низовому судработнику по возможности все, что ему необходимо для работы в канцелярии шарсуда с момента приезда его в камеру и кончая последним днем сдачи участка другому судье.

Руководство снабжено предисловием зав. оперативн. частью секции администр. техники НК РКК СССР Ю. Телчерева и главой о карточной системе делопроизводства шарсудов, составленной зам. зав. отд. по улучшению госаппарата НК РКК РСФСР П. Поповым, знакомящей судью с этой формой постановки работы в канцеляриях.

Рецензируемая книжка для местных низовых судработников будет чрезвычайно полезна, для налаживания канцелярского аппарата. Руководство Еднерала и Елоховского будет полезно и работникам губернских судов в их ревизионно-инструкторской деятельности.

Желательно при переиздании этого руководства понизить цену и дополнить приложениями: рядом типичных дел.

Г. Переворзев

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, по возможности, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
  2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
  3. Непринятые рукописи авторам обратно не возвращаются.
- Для ответов на всякого рода запросы должна быть приложена почтовая марка
4. Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородним высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

Циркуляры Наркомюста: №№ 185, 186.—Раз'яснения пленума Верх. Суда.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 185.

Областным и губернским прокурорам.

Об обязанности приезжающих в Москву областных и губернских прокуроров являться ко всем без исключения помощникам Прокурора Республики.

В виду того, что приезжающие в Москву областные и губернские прокуроры и их заместители часто ограничиваются посещением только одного какого-либо п/отдела Центральной Прокуратуры, что отрицательно сказывается на установлении тесной живой связи со всеми отделами Центральной Прокуратуры, предлагаю при приезде в Москву по делам службы всем названным лицам прокурорского надзора являться ко всем без исключения помощникам Прокурора Республики.

За Прокурора Республики **Крыленко.**

21 сентября 1925 года.

*Циркуляр НКЮ № 186.
НКТ № 262/1504.*

НКТ автономных республик, УполНКТ и обл. и губотделам труда, обл. и губпрокурорам.

Об изменении инструкции от 7 июня 1924 г. № 62/1207 о порядке производства инспекторами труда дознаний по трудовым делам.

В связи с последовавшим изменением ст. 105 УПК о порядке направления материалов дознания не прокурору, а следователю, Народный Комиссариат Труда РСФСР и Народный Комиссариат Юстиции РСФСР подтверждают, что инструкция НКТ РСФСР от 7 июня 1924 г. № 62/1207 в целом остается в силе, за исключением нижеследующих изменений, которые предлагается принять к руководству:

в § 6 вместо слов: «органу прокурорского надзора» надлежит читать: «следователю»;

в § 7 после слов: «инспектора труда» вставить: «со следователем и...»;

в § 9 после слов: «разрешается» читать: «следователем»;

в § 18 после слов: «в районный парсуд» исключить слова: «через прокурора»; ст. 104 Уг. Код. читать: «ст. 104б Уг. Код.»;

в § 20 после слов 2-го абзаца: «сообщается инспектором труда» вставить: «следователю или...»;

в 3-м абзаце после слов: «о произведенном задержании» вставить: «следователь или...»; после слов: «соответствующего изменения» исключить: «Суд, которому», заменив словами: «от органов, которых»;

в §§ 21—24, 29, 30 и 33 во всех случаях указания о направлении дел прокурору, заменить словом: «следователю»;

в §§ 25 и 26 после слов: «к инспектору труда», дополнить: «к следователю», а после слов: «от дознания» вставить: «следствия»;

в § 27 в первом абзаце слова: «к дознанию и в суд», исключить, заменив словами: «к инспектору труда, следователю или в суд»; в четвертом абзаце после слова: «от дознания», вставить: «следствия» и вместо слова: «прокурору» читать: «следователю»;

в § 32 во втором абзаце исключить: лит. а) «если кто-либо обвиняется» и т. д.

В форме № 35 к § 22 инструкции в последней фразе слово «прокурору» заменить словом «следователю».

В форме № 36 к § 23 инструкции в последней фразе слово «прокурору» заменить словом «следователю».

В форме № 38 к п. «В» § 29 инструкции адрес отношения «прокурору по трудовым делам», заменить адресом «следователю... участка».

Народный Комиссар Труда РСФСР **Бахутов.**

Старший Помощник Прокурора Республики **Крыленко.**

Вр. и. д. Прокурора по трудовым делам
при Верховном Суде **Сафонов.**

19 сентября 1925 года.

Раз'яснения пленума Верх. Суда РСФСР.

От 14 сентября 1925 года (прот. № 15).

Об отмене циркуляра Верховсуда за № 50 от 18 июля 1923 г. в связи с изменением редакции 105 и 108 ст.ст. УПК.

В связи с изменением 105 и 108 ст.ст. УПК циркуляр Верховного Суда за № 50—1923 года—отменить.

О порядке исполнения решений РКК при отказе стороны от добровольного исполнения подписанного ею соглашения (Дело гр. Азимова с гр. Гец).

По соглашению, утвержденному РКК при комитете торговых служащих Красно-Пресненского района, гр-ка Гец, владелица магазина, обязалась уплатить уволенному ею служащему Азимову в окончательный расчет 216 р. 75 к., при чем, соглашение было обусловлено, что в случае неуплаты в срок указанной суммы дело передается в суд для взыскания неуплаченной суммы судебным порядком. В виду невыполнения гр-кой Гец соглашения, губотдел союза обратил в трудсессию о принудительном взыскании с гр. Гец 186 р. 75 к.

Определением трудсесии от 10 июня 1925 года дело было производством прекращено на основании 173 ст. Кодекса зак. о труде.

Кассационное отделение Московского губсуда утвердило это определение.

По протесту прокурора по трудовым делам дело поступило в ГКК Верховсуда, а затем и в пленум Верховного Суда.

Пленум постановил:

В виду раз'яснения НКЮ и НКТ о том, что,

в случае отказа панимателя от добровольного выполнения подписанного им и принятого в РКК соглашения, парсуд, не входя в рассмотрение решения РКК по существу и удостоверившись в наличии подписи органа НКТ о законности данного решения РКК, а равно и в том, что решение это вообще не противоречит закону, выдает исполнительный лист, на основании которого решение приводится в исполнение порядком, установленном ГКК,—определения трудсесии от 10 июня 1925 г., Мосгубсуда от 24 июня того же года и ГКК Верховсуда от 24 августа 1925 года по делу по ходатайству губотдела союза совторгслужащих о принудительном взыскании с гр. Гец 86 р. 75 к. отменить и предложить трудсесии удовлетворить ходатайство губотдела совторгслужащих.

О квалификации побоев, нанесенных беременной женщине, последствием коих было рождение мертвого ребенка.

Раз'яснить, что побой, нанесенные беременной женщине, вне зависимости от того, имело ли это последствием рождение мертвого ребенка или нет, надлежит квалифицировать в зависимости от обстоятельств дела по одной из тех статей Уголовного Кодекса, которые предусматривают умышленные или неосторожные телесные повреждения (149—154 и 156—158 ст.ст. УК), при чем факт умерщвления плода при нанесении побоев может расцениваться судом как одно из обстоятельств, увеличивающих степень ответственности за совершенное преступление.

Издатель { Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор { Н. Крыленко.
Редакционная Коллегия { Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.